ПОЛИНА ДАШКОВА

Чеченская марионетка, или Продажные твари

ВПЕРВЫЕ – в авторской редакции!

«Астрель»

ДЕТЕКТИВ

Полина Дашкова – лучшая среди лучших

Полина Дашкова

Марионетка

«Издательство АСТ»

2000, 2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дашкова П. В.

Марионетка / П. В. Дашкова — «Издательство АСТ», 2000, 2021 — (Полина Дашкова – лучшая среди лучших)

ISBN 978-5-17-136109-9

Уезжая отдыхать и надеясь хорошо провести время на юге, Маша представить не могла, что она окажется заложницей в руках чеченских боевиков, станет свидетельницей гибели многих людей, чудом останется жива – и встретится с человеком, которого полюбит... Ранее книга издавалась под названием «Чеченская марионетка, или Продажные твари»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-136109-9

© Дашкова П. В., 2000, 2021
© Издательство АСТ, 2000, 2021

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 14
Глава третья 18
Глава четвертая 24
Глава пятая 28
Глава шестая 36
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Полина Викторовна Дашкова
Марионетка

© Дашкова П.В, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава первая

День начался отвратительно. Во-первых, убежал кофе, и темно-коричневая гуща с шипением залила девственно чистую хозяйкину плиту. Во-вторых, порвались старые любимые кроссовки, на этот раз окончательно. Теперь их осталось только выбросить. В-третьих, с утра небо затянулось плотными, тяжелыми тучами, лил тоскливый дождь.

Оттирая тряпкой плиту, Маша Кузьмина злилась на себя и на весь мир. За три дня отдыха в курортном городе она устала больше, чем за месяц сессии. В который раз она ругала себя последними словами за то, что поддалась на Санины уговоры, не стала ждать, пока он освободится, поехала одна, чтобы лишние пять дней поплавать в море, позагорать, а не сидеть в раскаленной, загазованной Москве. Тем более билет уже был. Она вспомнила, как Саня на все ее робкие сомнения отвечал со смехом:

– Ты что, считаешь себя Шерон Стоун или Клаудией Шиффер? Ты думаешь, каждый встречный мужик будет на тебя бросаться с ревом? Запомни раз и навсегда: если женщина не хочет, к ней никто не пристанет, пальцем не тронет. Хочет она или нет, всегда написано у нее на лице крупными буквами.

– А если попадутся такие, которые не умеют читать даже крупные буквы? – неуверенно возражала Маша.

– У нас уже семьдесят лет обязательное среднее образование, – отвечал Саня.

Тогда, в Москве, Маше казалось, что он прав. А здесь, в курортном городе, она сразу поняла: нет, не прав был Саня. Теперь нужно только дождаться его и это объяснить. Ждать осталось всего два дня.

Он, конечно, не поверит, поднимет на смех, изведет язвительными замечаниями, и в итоге она будет чувствовать себя идиоткой, вообразившей, будто все мужское население сходит по ней с ума. Ха-ха, какая гадость!

Одной ехать на юг нельзя, во всяком случае, когда тебе девятнадцать, у тебя две ноги, две руки и голова не набок. В Москве Маша этого не понимала. В последний раз она отдыхала на море с родителями в семилетнем возрасте, причем именно здесь, в этом курортном городе. Остались радужные воспоминания о море, солнце и фруктах. Санина идея съездить к морю вместе недельки на две показалась Маше просто замечательной.

Саня Шарко был ее сокурсником. Роман их начался недавно, но очень бурно. Машины родители ни за что не отпустили бы ее на юг с мальчиком. Они все не понимали, что ей уже девятнадцать, относились как к неразумному младенцу. Пришлось соврать, будто подруга-сокурсница из Севастополя пригласила погостить недельки две. Родители посомневались, но отпустили. Не сидеть же девочке два летних месяца после сессии на даче в Березках, в крошечном двухкомнатном «курятнике», на четырех сотках! А отдых на море семья уже давно себе позволить не могла. Папа, доктор искусствоведения, получал копейки. Мама, бывшая балерина, вела детскую хореографическую студию и получала немногим больше папы. Про Машину стипендию и говорить смешно. Денег едва хватало на жизнь. Какое уж тут море!

Когда билеты на поезд были уже куплены, а севастопольская подруга предупреждена на всякий случай, оказалось, что Саню пригласили на телевидение сыграть красавца вампира в какой-то новомодной детской передаче. Мелькнуть на телеэкране не откажется ни один нормальный студент театрального вуза, к тому же деньги посулили приличные, для отдыха на море вовсе не лишние. Маша хотела остаться в Москве и дождаться Саню. Но пришлось бы заново врать родителям. Саня уверял, что за эти пять дней ничего с ней не случится, и сама она не особенно сомневалась. Чего ей бояться? И с какой стати? Она ведь взрослый человек.

Санин билет легко обменяли, договорились, что она встретит его на вокзале через пять дней. Маша села в поезд, чувствуя себя независимой и самостоятельной.

Но в курортном городе с первых же часов все пошло у нее наперекосяк.

Комнату Маша сняла по-дурацки, у первой же тетки, поймавшей ее на вокзале. Тетка ловко подхватила Машин рюкзачок, ласково заворковала, пообещала душ, отдельный вход и назвала вполне терпимую цену.

Вход был вовсе не отдельный, душ оказался безнадежно сломанным, а хозяйка на редкость общительной. Сначала Маша хотела заплатить только за пять дней, но хозяйка заявила, что так не делают, и потребовала отдать деньги вперед, сразу за две недели.

«Ничего. Саня приедет, мы найдем что-нибудь получше. Ему она деньги вернет как миленькая», – решила Маша и успокоилась. Но ненадолго.

На грязном городском пляже к ней тут же подсели два бугая в татуировках:

– Девушка, вам не скучно одной?

Маша их отшила вежливо и быстро. Но через десять минут подошел лысеющий хлыщ с треугольной бородкой, прочитал длинную лекцию о вреде ультрафиолетовых лучей, а потом с легким пыхтением предложил:

– Если позволите, я намажу ваше тело солнцезащитным кремом. Он с ментолом, это очень эротично.

Отшить хлыща оказалось сложнее, чем амбалов. Он прилип со своим «эротичным кремом» и, как бы далеко его Маша ни посылала, отлипать не хотел. В конце концов пришлось уйти с пляжа.

Но самое неприятное началось вечером, когда Маша решила просто погулять по набережной. Амбалы, хлыщи, всякого рода сомнительные молодые люди то и дело предлагали скрасить ее одиночество. Маша очень быстро поняла: с вечерними прогулками до Саниного приезда лучше погодить.

«Значит, на пляж нельзя, гулять по городу нельзя, – зло думала Маша, – что же остается? Валяться в комнате на койке с утра до вечера или сидеть во дворе и общаться с хозяйкой?»

Вглядываясь в потресканное зеркало над умывальником, Маша пыталась понять, что же такое написано на ее лице.

Она, конечно, хорошенькая, даже красивая – иногда, когда захочет. Но дело вовсе не в этом. Она успела заметить, что все эти амбалы и хлыщи даже не особенно разглядывают ее, прежде чем пристать со своими «эротическими кремами» и прочими пакостными любезностями. Просто видят одинокую женскую фигурку – и вперед с песней:

– Девушка, вам не скучно одной?

Для этого не надо быть ни Шерон Стоун, ни Клаудией Шиффер. Просто воздух здесь такой – располагающий к пакостным любезностям. Возможно, кому-то это нравится, даже специально за этим приезжают. Каждый развлекается по-своему.

В первый же вечер, запершись в крошечной комнатке на втором этаже, Маша честно призналась себе, что ей очень хочется сейчас оказаться на даче в Березках, у мамы с папой под крылышком, и не надо никакого моря, солнца, никакой взрослости и самостоятельности. Даже Сани ей не надо. Если бы он относился к ней серьезно, десять раз подумал бы, прежде чем отпустить сюда одну. Нет, конечно, свою голову тоже надо иметь на плечах. Но очень уж хотелось к морю. Все-таки с семилетнего возраста не была.

На следующее утро на пляже началось все сначала. Днем с гнусными предложениями стал подступаться торговец яблоками на рынке. Вечером она, конечно, никуда не пошла, пролежала на скрипучей пружинной кровати, жалея себя до слез.

А назавтра к хозяйке приехал сын, здоровенный, с утра поддатый парень, который походя шлепнул Машу по попе и подмигнул:

– Привет, жиличка. Что вечером делаешь?

– Простите, – вежливо обратилась Маша к хозяйке, – ваш сын со всеми так здоровается?

– Гос-споди! – презрительно сощурилась хозяйка. – Да кому ты нужна? Кожа да кости.

Вечером к хозяйкиному сыну пришли в гости два друга, такие же здоровенные и поддатые. Сама хозяйка куда-то удалилась, сын с друзьями стали звать Машу присоединиться к их компании, несколько раз поднимались на второй этаж, барабанили в дверь:

– Эй, жиличка, выпей с нами! Выйди, поговорить надо!

Маша поняла, что теперь не сможет выйти из своей комнаты даже в туалет. «Ну за что мне все это? – устало думала она, слушая стуки в дверь и пьяные вопли. – Я сдала сессию на все пятерки, я заслужила нормальный, здоровый отдых. Неужели нельзя, чтобы человека просто оставили в покое, не трогали, не замечали? Конечно, все в жизни относительно. Если подумать, что в Березках сейчас комары, и посуду надо мыть холодной водой, и негде даже искупаться в жару, старый барский пруд давно зарос тиной, а водохранилище слишком далеко и вода там грязная… В Березки к папе все время приезжают его аспиранты, надо каждый вечер пить чай во дворе и вести долгие умные разговоры, без конца хлопая злющих комаров. Конечно, умные разговоры – это очень мило и интересно, но если хочется помолчать и побыть одной, то деться в Березках совершенно некуда – в домике две комнаты, кухонька-пристройка, участок крошечный. Не гонять же до поздней ночи на велосипеде! И вообще, какая бы жара ни стояла в Москве, стоит мне приехать на дачу, сразу начинаются дожди. А здесь все-таки море, солнце. Может, зря я так болезненно реагирую на липких придурков, на этих пьяных во дворе? Ну что в самом деле может мне угрожать? Ничего плохого со мной пока не случилось. Так, мелкие гадости».

А на следующее утро дождь пошел здесь, в курортном городе. И кофе убежал. Пока Маша злилась на весь мир, оттирая тряпкой плиту, у нее за спиной возник похмельный и злой хозяйкин сын.

– Не уважаешь ты нас, жиличка, – выдохнул он ей в самое ухо, – смотри, здесь тебе не Москва.

* * *

– Всему же есть предел! – Генерал Фролов встал и заходил по кабинету. – Журналисты преспокойно шастают через границу на секретные военные базы террористов, берут у них восторженные интервью, потом рассказывают на всю страну о готовящихся террористических актах, а наши доблестные смежники узнают об этом последними с телеэкрана и из газет. Бандиты, числящиеся в официальном розыске, гордо вещают о своих подвигах на всю страну, им дружно аплодируют. А теперь у нас еще будет губернатор области – чеченская марионетка. Этак вся Россия скоро станет мусульманской военной базой! Сколько там реальных кандидатов?

– Из девяти – четыре, считая теперешнего губернатора. Я подготовил материалы по трем наиболее реальным фигурам. Но шансы у этих троих пока равны.

Маленький пухлый генерал бегал по кабинету, а высокий широкоплечий полковник Константинов сидел в кресле и смотрел на Фролова снизу вверх. Было три часа дня – самое жаркое время. Москва плавилась в лучах тяжелого солнца, воздух дрожал и слоился от жары и бензиновых испарений. В кабинете Фролова работал кондиционер, но все равно генерал без конца вытирал пухлую мокрую шею и, болезненно морщась, оттягивал тугой ворот летней форменной рубашки. Только что Константинов доложил ему о последних донесениях своих агентов с побережья. Просматривая сводку и слушая рассказ своего подчиненного, генерал недоумевал, почему такие важные сведения доходят до них с такой задержкой, всего за десять дней до выборов. Либо эти сведения не столь серьезны, как кажется, либо они слишком серьезны и кто-то заинтересован, чтобы полковник ГРУ Константинов, а стало быть, и он, генерал ГРУ Фролов, получили информацию как можно позже.

– А почему ты думаешь, – спросил Фролов, тяжело опускаясь в кресло за свой огромный, уставленный телефонами и заваленный бумагами стол, – почему ты думаешь, что на выборах победит именно чеченская марионетка, а не армянская, например?

– Чеченцы денег на ветер не бросают, – пожал плечами полковник.

Сквозь щель в опущенных жалюзи ударил солнечный луч. Ослепительно сверкнула большая медная бляха на одном из телефонных аппаратов. Пожилая уборщица каждый день надраивала до блеска зубным порошком герб бывшего Советского Союза на черном, образца семидесятых, аппарате правительственной связи. Солнечный зайчик ударил генералу в глаза, он поморщился, встал и поправил жалюзи, плотно прикрыв щель.

– Жара, – сказал он, возвращаясь к столу и вновь вытирая шею огромным носовым платком, – в Москве дышать нечем. Ты своих уже отправил куда-нибудь?

– Жена и сын с невесткой на Кипре.

– Вместе? – вскинул кустистые брови генерал. – Как у твоей Любы отношения с молодой невесткой? Сложились?

– Ну, раз отдыхать поехали вместе, значит, сложились, – равнодушно кивнул полковник.

– А моя благоверная с Ольгиным мужем ну никак не может найти общий язык. Все ей плохо. Ольга мне недавно говорит: «Никогда не думала, что наша мама станет такой классической злющей тещей». И правда, дочь замужем уже семь лет, внуков двое, но моей Ксении Николаевне все неймется.

– Ревнует, наверное, – сочувственно вздохнул Константинов, – так бывает. Пришел чужой парень и увел единственную любимую дочку из семьи. Это проблема древняя, как мир. Теща – зять, свекровь – невестка.

– Древняя, – кивнул генерал, – однако никому от этого не легче. Слушай, Глеб Евгеньевич, о том, что Люба на Кипре, я и так знаю. Я о другом спросил.

Красивое, немного тяжелое лицо полковника ничуть не изменилось. Он прекрасно понял, о ком спрашивает генерал, но говорить с ним на эту тему, да еще здесь, в официальном кабинете, Константинову казалось не то что неловко, но как-то странно.

– Тебе, Глеб Евгеньевич, не мешало бы отдохнуть недельку на море. – Короткие генеральские пальцы отбили дробь по столешнице. – Как насчет бывшей всесоюзной здравницы, а, полковник? – Генерал откашлялся в кулак и покосился на Константинова.

– Да, товарищ генерал, я как раз хотел поговорить с вами о срочной командировке на побережье, ситуация критическая, и необходимо…

– Нет, Глеб, – жестко перебил генерал, – не надо никакой командировки, ну ее, командировку, ты отдыхать туда полетишь. У тебя там, во всесоюзной здравнице, сейчас никаких служебных интересов. Только личные. Верно, полковник? Очень личные у тебя там интересы. – Фролов подмигнул и, вытянув губы, просвистел какой-то залихватский мотивчик.

Глеб Евгеньевич уставился в сверкающую бляху на телефоне правительственной связи. Ему становилось все неприятней. Да, в данный момент у него был весьма серьезный личный интерес на Черноморском побережье. Честно говоря, он готов был туда лететь, бежать, нестись сломя голову при малейшей возможности – как прошлым, и позапрошлым летом, и много лет подряд, независимо от агентурных данных и служебной необходимости. Но это не тема для разговора с генералом.

В санатории «Солнечный берег» каждый год отдыхала женщина, которую пятидесятилетний лысеющий полковник любил страстно и нежно, как мальчишка. Женщине исполнилось сорок. Она имела мужа и сына. Ни она, ни полковник не могли уйти из своих семей в силу многих обстоятельств. Их роман длился одиннадцать лет. Кто-то знал о нем, кто-то догадывался. Но никто, даже непосредственный начальник Константинова генерал Фролов, не мог предположить, что десятилетний сын Елизаветы Максимовны Белозерской Арсений – сын полковника.

– В общем, мы с тобой договорились, Глеб. – Генерал в очередной раз вытер мокрую шею и оттянул ворот. – Ты отправляешься на побережье не по служебным, а по личным делам, к своей Лизавете. Ты в отпуске. Нормальные люди в такую жару в Москве не сидят. Если начнется вой в средствах массовой информации, не только моя голова полетит, но и твоя тоже. Мы не можем вмешиваться в ход предвыборной кампании, мать их. Не имеем права. Так что ты, Глеб Евгеньевич, отдыхаешь и наслаждаешься жизнью. – Фролов вскочил, прошелся по кабинету, поднес ладонь к решетке кондиционера, пробормотал себе под нос: «Ни хрена не работает», – и, круто развернувшись к полковнику, заговорил быстро, хрипло, еле слышно: – С марионеткой ты разберешься. А вот коли там в горах сидит Ахмеджанов, живой и выздоравливающий, и тебе удастся аккуратно вычислить его и доставить в Москву так, чтобы никто очухаться не успел, – вот тогда впору стать тебе сразу генералом. Хотя не дадут тебе генеральских погон. Слишком уж путаная у тебя личная жизнь. – Фролов развел руками и упал в кресло, тяжело отдуваясь.

– Ничего, – улыбнулся Константинов, – по мне и полковничьи погоны хороши.

– Обрати внимание на доктора Ревенко Вадима Николаевича, – продолжал Фролов, – он работает в областной больнице, считается самым талантливым хирургом в области. В последнее время частенько наведывается в горы. Там, конечно, и беженцы, и местные жители нуждаются в медицинской помощи. Визиты доктора вполне понятны и законны. Но Ревенко пасут чеченцы и смежники вниманием не обижают. Ты перехвати инициативу, а то мало ли, вдруг смежникам придет в голову взять хирурга. Знаешь, они ведь долго раскачиваются, а потом бац – и выдадут какую-нибудь глупость. Арестовать этого Ревенко – верх глупости. Если он и вправду выковыривает осколки из чеченцев, его можно отлично использовать в наших с тобой интересах. Понятно, что для своих полевых командиров, а тем более для Ахмеджанова, они возьмут не кого попало, а лучшего врача. Ты посмотри о докторе кое-какие материалы и подумай, как к нему лучше подступиться, чтобы, с одной стороны, не засветить его перед чеченцами или смежниками, а с другой – не спугнуть.

После ухода Константинова генерал стал задумчиво листать папку с материалами на трех кандидатов. Дерьма хватало на каждого – на всех поровну. Кто из них?

Читая предвыборную листовку кандидата на губернаторский пост с простой русской фамилией Иванов, генерал хмыкнул:

«Дорогие сограждане! Родные мои земляки! Выбирая нового губернатора, вы выбираете будущее своих детей. Вы устали от лживых заверений, будто те, кто хочет править вами, честны и бескорыстны. Вы знаете сами – никто не чист, никто не безгрешен. За каждым стоит криминальный капитал. А я, Вячеслав Иванов, не желаю вам врать. Я слишком уважаю и люблю вас, своих земляков. Да, за мной стоит и криминальный капитал в том числе. Но я использую его вполне сознательно. Я хочу вывести наконец теневую экономику на свет Божий. Пусть она работает на нас!

Ни для кого не секрет, наш край давно уже находится в руках крупных криминальных структур. Воевать с ними – значит проливать кровь и в итоге проиграть. Пора наконец признать: только в союзе с ними мы сумеем превратить наш прекрасный край в Ниццу и Майами, сделать его крупнейшим и престижнейшим курортом мира.

С нами Бог!»

– Ну ты даешь, комсомолец! – развеселился генерал, глядя на фотографию кандидата. С фотографии радостно улыбалась круглая, курносая физиономия. Ранняя лысина была прикрыта наискосок длинными светлыми прядями.

– Как моя дочка называет такую прическу? Внутренний заем! – вспомнил генерал и развеселился еще больше.

* * *

Дождь лил целый день. Внизу, у хозяйки, кричало радио, и Маша слышала уже в третий раз, что в Москве тридцать градусов жары, безоблачно и сухо.

«В Березках земляника поспела, – грустно думала она, – мама варенье варит. А я сижу здесь, в чужих четырех стенах, и даже читать не могу – так орет радио. Неужели не надоедает слушать с утра до вечера про памперсы-сникерсы и про чеченских террористов? А скоро она включит телевизор, начнутся сериалы. Она опять постучит мне в дверь и позовет смотреть. Она не представляет, как можно не смотреть сериалы. К вечеру проспится ее сынок, к нему опять явятся гости. И ради этих радостей стоило врать родителям? Они с таким трудом наскребли мне денег на дорогу, хотели, чтоб отдохнула девочка».

Маша была поздним, единственным, балованным ребенком. Мама родила ее в сорок, папе тогда уже стукнуло сорок восемь. Родители дрожали над ней, не давали шага ступить самостоятельно. С раннего детства Маша мечтала стать балериной, как мама. Но родители были категорически против.

– Ты можешь танцевать сколько угодно – для себя. Но ты должна иметь в руках серьезную профессию. Балетная среда тебя сожрет, ты же не умеешь за себя постоять.

Маша не понимала, почему мама считает свою балетную среду такой прожорливой, однако привыкла верить маме на слово и решила: если нельзя балериной, тогда – искусствоведом, как папа. Но родители опять не согласились.

– Посмотри, в какой нищете мы живем. По моим учебникам учатся студенты Европы и Америки, а я не могу купить жене и дочери приличные сапоги, – грустно вздыхал папа.

– Искусство может стать для тебя чем-то вроде хобби, но профессией – никогда, – вторила ему мама, – пожалуйста, становись юристом, врачом, бухгалтером, тогда у тебя будет кусок хлеба и нормальная, сытая, спокойная жизнь.

После десятого класса Маша потихоньку от родителей подала документы в Театральное училище имени Щепкина при Малом театре, прошла все туры творческого конкурса, сдала экзамены на «отлично» и была принята.

Родители отнеслись к этому как к трагедии.

– Копейки! – патетически восклицал папа, расхаживая по крошечной кухне. – Жалкие гроши! И абсолютная, рабская зависимость от милости его величества режиссера. Никакой стабильности, сегодня ты можешь стать звездой, но завтра о тебе даже не вспомнят!

– А знаешь, как страшно стареть и переходить в другое амплуа? – спрашивала мама и делала безнадежные глаза. – Хорошо, если позволят перейти, могут вообще засыпать нафталином!

Маша смиренно кивала, понимая, что все эти возгласы – ерунда. В глубине души мама и папа гордятся ею. Щепкинское училище – далеко не худшее учебное заведение, и конкурс огромный – шестьдесят человек на место. Маша поступила сразу, с первой попытки, без всякого блата. Ну как же не гордиться?

«Наверное, зря я наврала им про Севастополь, – грустно подумала она, – но выхода у меня не было. Они видели Саню, он им не понравился. Мама скривила рот в неприятной улыбке и заметила, что я, оказывается, еще совсем маленькая. В куклы не наигралась».

Саня был первым красавцем курса и никакими иными достоинствами не обладал. В основе Машиной влюбленности лежало всего лишь бабское глупое тщеславие. И мама совершенно точно определила это как «игру в куклы».

К радионовостям прибавились судорожные телевизионные всхлипы очередной «Дикой Розы», но все заглушил хриплый голос приблатненного эстрадника, несущийся из кассетника

со двора. К хозяйкиному сыну опять пришли друзья. От дикого звукового винегрета у Маши разболелась голова.

«Надо пойти в аптеку и купить затычки для ушей, иначе я здесь умом тронусь, – простонала она про себя и сунула ноги в тапочки, – заодно зайду на переговорный пункт, попробую позвонить домой. Вдруг родители приехали с дачи? Я, конечно, сделаю вид, будто звоню из Севастополя, рассказывать им ничего не стану. Просто хочется услышать их голоса».

Был ранний вечер, дождь кончился. Когда Маша проходила через двор, пьяная компания хозяйкиного сына что-то заорала ей вслед. Она быстро выскочила за калитку.

Аптека оказалась закрытой. К переговорному пункту пришлось идти через набережную. После дождя толпы отдыхающих высыпали подышать чистым, влажным вечерним воздухом. Маша шла очень быстро, чуть не сшибая неспешных гуляющих. Какой-то молодой кавказец со смехом растопырил руки навстречу, пытаясь поймать ее, но Маша, крикнув ему: «Уйди, дурак!», прошмыгнула мимо и тут же подумала: «Какая же я здесь стала грубая!»

Дома никто не отвечал, родители с дачи не приехали. Маша стала размышлять, стоя в будке с горстью жетонов на ладони, кому бы еще позвонить. Но тут же вспомнила, что свою записную книжку оставила дома, в Москве.

Назад спешить не хотелось. После дождя было приятно пройти по набережной, через сквер. «В конце концов, почему я должна бегать как затравленный заяц? Надоело!» – решила Маша и побрела не спеша.

Из коммерческих ларьков, из открытых дверей баров и ресторанов неслась оглушительная музыкальная какофония, женский визг, мат, звон посуды. Приличной семейной публики становилось все меньше. В сквере было темно, уже смеркалось, а фонари еще не зажглись.

– Девушка, можно вас на минутку? – услышала Маша за спиной голос, как только свернула на пустынную улицу, тянувшуюся вдоль сквера.

Не оборачиваясь, она прибавила шагу. Ее тут же догнали два пьяненьких весельчака в цветастых рубашках и приспущенных широких штанах. Поравнявшись, они ловко ухватили ее за руки с обеих сторон.

– Куда это мы так спешим, птичка?

Маша дернулась, пытаясь вырвать руки, но держали ее очень крепко.

– Отпустите меня. Я сейчас закричу, – спокойно сказала она.

– Кричи, – разрешили весельчаки.

– Помогите! – крикнула Маша во все горло.

– Сейчас поможем! – пообещали весельчаки и, приподняв Машу над асфальтом за локти, быстро потащили по улице.

Маша попыталась извернуться, вмазать кому-нибудь из них пяткой в пах. Не получилось.

«Мамочка, что же мне делать? Куда они меня тащат? Почему здесь нет ни одного милиционера? Саня говорил, здесь даже военные патрули ходят по улицам вечером. Где вы, патрули, миленькие? Появитесь, помогите мне, пожалуйста», – пронеслось у нее в голове.

Еще раз набрав побольше воздуха, она завопила изо всех сил:

– Помогите!

– Слышь ты, не ори, в натуре, – мирно посоветовал один из тащивших. – А то мы ведь и заткнуть можем.

Вдруг раздался визг тормозов. Прямо на тротуар перед ними въехала черная «Тойота». Из нее вышел высокий, очень прямой господин с совершенно седыми волосами.

– Отпустите девочку, – тихо сказал он, и руки весельчаков разжались как по волшебству.

Маша, не раздумывая, бросилась наутек. Весельчаков и след простыл. «Тойота» развернулась и медленно двинулась за Машей вдоль кромки тротуара. Чуть отдышавшись, Маша пошла спокойней. Седовласый господин высунулся из окошка и приветливо улыбнулся:

– Садитесь, барышня, я вас подвезу.

– Спасибо, я сама. Мне близко.

– Сделайте милость, барышня, садитесь. Честное слово, не лучшее место и не лучшее время для одиноких прогулок.

И тут же, как бы в подтверждение его слов, из-за угла вывалилась пьяная компания. Маша остановилась в нерешительности. Он вышел из машины и открыл заднюю дверцу. В машине еле слышно играла музыка. Бархатный голос Элвиса Пресли пел: «Люби меня нежней». Пахло в салоне хорошим мужским одеколоном. Маша прошмыгнула на заднее сиденье, и впервые за эти дни вдруг стало спокойно, не противно и не страшно.

– Меня зовут Вадим Николаевич. А вас?

– Маша.

– Куда вас отвезти, Машенька?

– Студенческая, дом восемь, за санаторием «Солнечный берег».

– Вы отдыхаете одна?

– Нет. То есть пока одна. Завтра ко мне приезжает жених. Рано утром.

– Жених? Ну и славно. Барышне нельзя отдыхать здесь одной. Вы из Москвы, Машенька?

– Да. А как вы догадались?

– У вас московская речь.

Через пять минут он остановил машину у калитки на Студенческой улице.

– Вадим Николаевич, – нерешительно попросила Маша, – вы не могли бы постоять здесь, у калитки, еще минут пять? Там пьянка во дворе, а умывальник прямо возле стола, где пьют. Я быстренько умоюсь, пусть они видят, что вы смотрите. Тогда не пристанут.

– Машенька, я, конечно, подожду с удовольствием. Но в таком случае не лучше ли вам быстро собрать вещи и переехать куда-нибудь до приезда вашего жениха? Не опасно ли вам ночевать здесь?

Из глубины двора раздавались пьяные вопли, заглушавшие песенку группы «На-на» «Моя малышка». Пьяные мужские голоса подпевали вразнобой, перемежая слова песни веселым матом.

– Лучше бы переехать, да некуда, – пробормотала Маша с дурацкой усмешкой, – хозяйка деньги взяла вперед. Спасибо. Всего доброго. – Она вошла во двор, чувствуя затылком его взгляд.

Машина отъехала от калитки минут через десять после того, как Маша умылась, почистила зубы и поднялась в свою комнату.

Глава вторая

Несмотря на духоту, он разжег камин, уселся в кресло и уставился на огонь, морщась от сухого жара, изредка лениво поправляя кочергой поленья. Мягко, сосредоточенно скользили змейки пламени, перешептывались и приплясывали быстрые яркие язычки. В доме было темно и тихо. В последние несколько месяцев он не включал телевизор. Редкими свободными и одинокими вечерами сидел у камина, смотрел на огонь и думал. Он не включал телевизор потому, что на экране то и дело мелькали кадры чеченской хроники – растерзанные трупы детей и женщин, замученные, жесткие лица русских мальчиков в военной форме, новобранцев, обреченных стать пушечным мясом. Он считал себя если не виноватым, то причастным к этому бесконечному кошмару и уже не пытался оправдаться перед самим собой.

Полтора года назад Вадима Николаевича Ревенко, лучшего хирурга областной больницы, подняли ночью с постели и под дулом автомата повезли через границу в горное селение. Он должен был прооперировать трех раненых. Он мгновенно понял, кто они, эти раненые. Но они умирали, и он стал спасать их. Себя, конечно, тоже.

Он не отходил от операционного стола сутками. В фельдшерском пункте горного села устроили нечто вроде полевого госпиталя. В распоряжении Вадима Николаевича был только местный фельдшер-абхазец.

Для своих раненых бандиты не жалели ничего, доставали дорогие лекарства, американские шовные и перевязочные материалы, немецкие хирургические инструменты и щедро оплачивали услуги лучшего хирурга Вадима Николаевича Ревенко.

Возвращаясь домой, он включал телевизор и видел фотографии тех, кого только что спас. Они были объявлены в розыск, за каждым тянулся кровавый след расстрелянных заложников, растерзанных пленных российских солдат, терактов.

Город, в котором он родился и вырос, был областным центром российского Причерноморья, знаменитым курортом. Благополучие и процветание края держалось на нескольких крупных мафиозных группировках, то враждующих, то мирящихся. Мафии разделялись по национальному признаку. В городе, кроме русских и украинцев, жило несколько кавказских народов, и доктор с детства знал два кавказских языка.

Он привык лечить всех, без разбора. Не имело значения, кто лег к нему на операционный стол – добропорядочный горожанин, секретарь райкома партии, рыночный торговец или крупный уголовный авторитет. Если в благодарность за удачную операцию ему дарили дорогие подарки или давали деньги в конверте, он не отказывался. Он знал, что его труд стоит очень дорого, а на больничную зарплату прожить невозможно. Тот, кто мог и считал нужным платить, – платил. А кто не мог, того Ревенко оперировал бесплатно, и качество операции от этого не менялось. Его руки были для всех одинаковы – и для «крестных отцов» местных мафий, и для полунищих старушек, и для глав городской и областной администрации.

Теперь он оперировал еще и чеченских бандитов, которые прятались здесь, в горах. Когда за ним приезжали во второй, в третий, в десятый раз, он уже без всякого насилия садился в машину и отправлялся спасать раненых. Эти истекающие кровью, полумертвые, гангренозные, завшивленные чеченцы стали для него просто больными, которых надо лечить. Каждый раз, борясь за жизнь очередного полевого командира или рядового боевика, он не мог потом пойти и донести на него, хотя понимал: как только этот больной встанет на ноги, он опять начнет убивать, взрывать и брать заложников.

Да и куда он мог сунуться со своей информацией? Он знал: местная милиция куплена с потрохами, в местном ФСБ каждый второй получает чеченские деньги. Наверняка в Москве их получает каждый пятый. Где гарантия, что со своей информацией он не попадет именно к этому – пятому?

Через три месяца он все-таки попытался улететь в Москву, сославшись на Международную конференцию по экстренной хирургии, на которую получил официальное приглашение. В местном аэропорту к нему подошли двое, спереди и сзади, вплотную. Стоявший сзади держал под курткой пистолет, дуло уперлось Вадиму Николаевичу в спину. Тот, что оказался спереди, глядел ему в глаза и дышал в лицо запахом табака и шашлыка.

– Не надо тебе лететь в Москву, доктор. Ты здесь очень нужен, – произнес он тихо и ласково по-абхазски.

В тот момент в душе его щелкнул и бешено застучал часовой механизм взрывного устройства. Он понял, что рано или поздно это устройство сработает. Остановить, отключить его уже невозможно.

Чеченцы контролировали каждый шаг. А вскоре он почувствовал смутный интерес к своей скромной персоне со стороны российских спецслужб – то ли ФСБ, то ли ГРУ.

Время шло. Как член Международной ассоциации экстренной хирургии Вадим Николаевич имел право на безвизовый проезд в любые районы военных действий и лагерей беженцев. Он продолжал ездить через границу, расположенную вдоль реки Чандры, то на своей «Тойоте», то на военном «газике», который вместе с шофером-абхазцем был всегда к его услугам.

Месяц назад в село привезли очередного полевого командира с множественными осколочными ранениями брюшной полости. Человека этого знала вся Россия как одного из самых кровавых лидеров террористов. Он находился в розыске, в «Новостях» сообщали, будто он пропал без вести, а он между тем лежал на операционном столе в маленьком горном селении, и доктор Ревенко больше суток боролся за его жизнь.

Бандит быстро шел на поправку. Но чем лучше чувствовал себя пациент, тем мрачней и тревожней становился доктор. Он отдавал себе отчет в том, что, спасая жизнь Ахмеджанову, заранее обрекает на смерть множество ни в чем не повинных людей.

Вадим Николаевич не сомневался: сейчас в городе работает несколько серьезных агентов российских спецслужб. Они должны заниматься предстоящими губернаторскими выборами и связями кандидатов с чеченцами, засевшими в горах. Но как выйти на реального, а не опереточного агента? И до какой степени можно ему доверять? Ведь не случайно до сих пор не пойман и не посажен на скамью подсудимых ни один из серьезных чеченских лидеров.

Даже если представить, что ему повезет, удастся каким-то образом прорваться сквозь чеченскую слежку, выйти на нужного человека, дать ему полную информацию о крупной чеченской базе в горах и об Аслане Ахмеджанове, он все равно рискует головой. Такую информацию наверняка захотят проверить. Ведь послать в горы, на территорию дружественного государства, отряд спецназа, вести там настоящие боевые действия – это не шутки. Те, кто заинтересован в аресте Ахмеджанова, обязаны действовать наверняка.

Какие он может представить доказательства? Клок волос из бороды бандита? Или любительскую фотографию на фоне гор? «Давай, Аслан, я тебя сфотографирую на память?»

Как бы мало времени ни ушло на проверку, его в любом случае хватит, чтобы Ахмеджанов исчез, а доктора пристрелили. О том, как поставлена служба информации в городе и в горах, доктор знал очень хорошо.

Оставить все как есть, дать Ахмеджанову окрепнуть, встать на ноги Вадим Николаевич не мог. Прикончить бандита по-тихому, каким-нибудь медицинским способом тоже не мог. Рука не поднималась. Слишком долго и трудно он спасал этого человека, да и вычислили бы тут же, без вскрытия и судебно-медицинской экспертизы.

Иногда ему хотелось хоть с кем-нибудь поделиться всеми этими навалившимися вопросами. Но рядом не было ни души.

Жена ушла от Вадима Николаевича десять лет назад к заезжему москвичу-курортнику. Сыну тогда исполнилось пятнадцать. До окончания школы мальчик жил с отцом, к матери в Москву приезжал на каникулы, а после десятого класса переехал совсем – поступил на биофак

Московского университета, на втором курсе женился на канадке украинского происхождения, теперь жил в Квебеке. Письма от него Вадим получал все реже.

Появлялись женщины, но надолго не задерживались. Он искренне верил, что виноват его дурной замкнутый характер, но на самом деле еще не было ни одной, которую хотелось бы удержать.

В гостиной над камином висела большая репродукция известной картины Пабло Пикассо «Девочка на шаре». Он любил смотреть на хрупкую удлиненную фигурку, балансирующую на большом цирковом шаре на фоне накачанного тяжеловеса. Постепенно нарисованная девочка стала полноправной обитательницей его дома, он беседовал с ней, не только мысленно, но и вслух, забывая, что ее не существует. Она просто нарисована великим художником.

Как высококлассный хирург он был нужен многим. Для множества женщин мог бы составить завидную партию как очень состоятельный сорокапятилетний холостяк. Но ни благодарные больные, ни жаждущие выгодного брака дамы и девицы не могли скрасить его одиночества. Нашлось, правда, одно существо, к которому Вадим успел привязаться в последнее время. Это был живой человек, не нарисованный, но немой и слабоумный.

Полы в горном госпитале мыл странный больной старик по имени Иван. Сначала Вадим Николаевич обратил внимание на русское имя. Потом заметил, что Иван выглядит значительно старше своих лет, и понял: слабоумие и немота – не врожденные. Под прозрачным седым пухом на голове виднелись страшные, глубокие шрамы, зажившие без всякой медицинской помощи. Слабоумие было следствием тяжелой черепно-мозговой травмы.

Иван не говорил, только мычал. Но доктору показалось, что он все слышит и понимает. Вадим Николаевич примерно представлял себе, каким образом мог попасть этот молодой старик в горное село. У чеченцев и абхазцев еще лет пятнадцать назад появилась своеобразная мода на русских рабов.

На вокзалах, в курортных городах высматривали и вычисляли «живой товар». Как правило, попадались демобилизованные солдаты, молодые беспечные одинокие провинциалы, ищущие заработка, чтобы красиво пожить на курорте. Их ловко подманивали, поили до бесчувствия, добавляя в водку сильное снотворное или наркотики, потом переправляли в горы. Там эти люди выполняли самую черную работу, их использовали в производстве опиума, они ходили за скотиной и сами постепенно превращались в покорных животных. Какое-то время их держали на одуряющих, разрушающих мозг наркотиках, а потом они уже сами не хотели никуда бежать.

Только встретив Ивана, доктор понял, что и прежде ему приходилось видеть в абхазских горных селениях русских рабов. Но раньше он принимал их за местных слабоумных. В русских и украинских селах тоже встречаются такие вот юродивые, с врожденным идиотизмом разной степени тяжести.

Доктор понимал, что ничем помочь Ивану не сумеет. Возможно, в хороших условиях можно бы добиться некоторого улучшения. Но для этого требовался профессиональный психиатр, стационарное лечение. Надежда на то, что Иван вспомнит, откуда он, произнесет или напишет свою фамилию, была практически равна нулю.

Вадим Николаевич возил ему еду, разговаривал с ним. Постепенно он стал замечать в блеклых, бессмысленных глазах Ивана тень мучительной мысли, что-то мелькало иногда осмысленное, живое, но тут же гасло. Как врач он видел, что жить Ивану осталось совсем немного – организм его истощен побоями, непосильной работой, вероятно, влито в него огромное количество наркотиков, и эти черепные травмы… Невозможно помочь физически, только вкусно накормить и сказать ласковое слово.

Пожалуй, в последнее время состояние доктора Ревенко походило на тихое помешательство: два близких существа – нарисованная девочка и слабоумный, немой, безнадежно боль-

ной человек. Однако сегодня, всего несколько часов назад, он вдруг увидел живую «Девочку на шаре» и даже узнал, что ее зовут Маша, что она из Москвы.

Сначала, проезжая мимо, он заметил, как два подвыпивших «качка»-амбала тащат под локотки тоненькую, беспомощную фигурку в длинной юбке. Он знал местные нравы. Молодые мафиозные «шестерки» любили так шутить спьяну. Но и «шестерки» знали, кто такой доктор Ревенко. Ему ничего не стоило вмешаться.

Въезжая перед ними на тротуар и останавливая машину, он даже не разглядел ее толком. Но уже через мгновение сердце у него остановилось. Девочка была удивительно похожа на пикассовскую танцовщицу, будто француз писал свою циркачку именно с нее.

Вместо облегающего циркового трико на ней была длинная юбка, длинный широкий свитер, но сквозь одежду легко угадывалась каждая линия ее тела. Тонкие руки были приподняты, пальцы маленьких невесомых ножек в мягких китайских тапочках едва касались земли. И два «качка»-амбала по бокам…

Пикассовская танцовщица была острижена коротко, под мальчика, а у этой, живой, девочки темно-каштановые волосы доходили до острых ключиц.

Вадим Николаевич честно признался себе, что теперь вместо нарисованной танцовщицы всегда будет видеть живую девочку. Она не выходила из головы, мешала думать, искать выход из тупика. «Хоть снимай любимую картину и прячь в шкаф», – усмехнулся он про себя.

Глава третья

Этот запах въелся в кожу. Сам Иван его не чувствовал, но хозяин, если подходил близко, всякий раз морщился и говорил:

– Ну и воняешь ты, Иван! Все вы, русские скоты, воняете.

В ответ Иван только тихо мычал беззубым ртом и делал выразительные знаки руками, мол, прости, хозяин, не понимаю.

На самом деле Иван понимал, хотя хозяин говорил на своем гортанном языке. Чужой язык выучился сам собой, слова намертво вбились в память, как тонкие гвозди в твердую доску. Он все понимал, но никогда вслух не произнес ни одного чужого слова. Еще в первые годы он повторял про себя родные русские слова, думал по-русски. Пока оставалась надежда убежать, он разрешал себе думать.

После третьего неудачного побега, когда его, связанного, с кляпом во рту, волокли через горное село на веревке, он нарочно старался шарахнуться головой о какой-нибудь камень, чтобы все забыть и ни о чем не думать. Камней попадалось много. Голова была вся в крови.

Работая на маковом поле, ухаживая за хозяйской скотиной, моя, чистя, перетаскивая ведра воды, копая землю, он пытался представить себе, что его память – чистый белый лист или легкое облако. Он учился не помнить. Даже всплыло откуда-то из глубины подсознания странное красивое слово: амнезия. Слово было научное, значило оно потерю памяти. По науке выходило, человек может память потерять.

Он действительно забыл, сколько лет живет в этих горах. Годы слились в один бесконечный день, и день этот был полон грязной отупляющей работой, побоями, боль от которых стала совсем привычной. Он не замечал ее и удивлялся, если тело не болело.

За эти годы били его и кнутом, и плетью, и самодельной резиновой дубиной, и прикладом автомата, но чаще – просто ногами. Каждый раз, когда удары становились сильнее обычного, он надеялся, что убьют наконец совсем. Но не убивали. Он стоил денег.

Все его хозяева, а их было не меньше пяти за эти годы, все эти Махмуды, Хасаны, Абдуллы слились для него в одно темное, расплывчатое пятно. Зато троих, с которых все началось, он помнил хорошо. Он и сейчас узнал бы их.

Веселый дембель Андрей Климушкин возвращался из Заполярья, где прослужил три года в Морфлоте на подводной лодке, домой, в колхоз «Путь Ильича» Псковской области Великолукского района.

В колхоз входило два села – Веретеново и Колядки. Андрей был веретеновский, а друг его, Вовка Лопатин, – колядкинский. Им повезло служить вместе, и домой они возвращались вдвоем. Каждого ждали дома родители, братишки-сестренки, бабушки-дедушки. Вовку ждала еще и невеста, у Андрея пока невесты не было, но хороших девчонок на два села хватало, он собирался приглядеть себе какую-нибудь, жениться, работать в колхозе трактористом.

Впереди виделась долгая, хорошая жизнь, семья, работа. И конечно, после трех лет в подводной лодке невозможно было просто транзитом проехать большой, красивый город Ленинград. Денег у них было мало, но загулять, хоть немного, хотелось. Все-таки дембель есть дембель.

В шумном ресторане Московского вокзала подсели к ним трое приветливых, хорошо одетых кавказцев. Разговор пошел душевный, слово за слово, на столе не убывало закусок и водочки. Поезд до Пскова уходил глубокой ночью, времени оставалось навалом.

Кавказцы чокались, произносили длинные умные тосты. Андрей с Вовкой разомлели и не заметили, что себе в рюмки кавказцы подливали из одной бутылки, а им – совсем из другой.

Первым вырубился Вовка. Голова его вдруг беспомощно повисла, подбородок упал на грудь, рот открылся. «Чего ж мы так надрались», – подумал Андрей, попытался встать и поднять осовевшего друга, но ноги стали какими-то чужими, ватными.

Очнулся он в поезде, под мерный стук колес, и сначала подумал, что едет в Псков, только удивился: у них с Вовкой был плацкарт, а здесь – купе. Вовки рядом не оказалось. Вместо него присел на нижнюю полку приветливый кавказец, ткнул в грудь дуло и ласково произнес:

– Нэ шевелыс, а то убью.

Андрей попытался рыпнуться – щелкнул предохранитель. Он понял – действительно убьет. Во рту сильно пересохло, он попросил:

– Попить дай хотя бы.

Ему подали стакан. Но вместо воды там оказалась водка, да еще с каким-то странным кисловатым привкусом. Он хотел выплюнуть. Его ловко скрутили, сжали пальцами щеки, стакан кисловатой жидкости влили в рот. Он опять куда-то провалился.

Потом был Грозный, какие-то горные села, маковые поля, землянки с мокрыми стенами. Он все думал о Вовке, но спросить было не у кого. Его куда-то перевозили, кто-то щупал мускулы, гнул шею, смотрел зубы. Он видел, как за него платят деньги.

Из трех своих побегов он уже не помнил ни одного. Осталось только слабое ощущение звона и тугого холода на лодыжках – когда его ловили, сковывали ноги длинной цепью. А после третьего, последнего, проволокли волоком через все село. И он пытался посильней стукнуться головой о камень. Как раз после того, последнего, побега он перестал говорить. С кем говорить? И зачем?

Теперь он уже знал, что не убежит. Не осталось сил. Он чувствовал себя глубоким дряхлым стариком. Зубы искрошились, на голове вместо густых темно-русых волос рос реденький белый пух. Он помнил, что когда-то его звали Андрюхой. Но сейчас тот давний веселый дембель стал для него чужим, далеким человеком. Иногда он мысленно спрашивал: «Что ж ты так лопухнулся, Андрюха?» И каждый раз чувствовал, что обращается к покойнику. Нет давно никакого Андрюхи. Есть немой русский Иван, который уже не помнит, сколько ему лет, откуда он родом, не знает, есть ли на свете село Веретеново, Великие Луки, Псков, Россия. Для него существуют только эти чужие равнодушные горы, камни под ногами, пустое ненужное небо над головой, ведра, которые надо таскать с колодца, тряпка, которой надо вымыть заплеванный пол.

Даже в госпитале, где лежали раненые, пол был заплеван. Недавно туда завезли какие-то сложные лампы, металлические блестящие конструкции, смутно напоминающие Ивану что-то связанное с медициной, с врачами.

Поставили койки с длинными тонкими шестами у изголовий. Потом он видел: к этим шестам привинчивали прозрачные банки с трубками.

Дом последнего хозяина находился неподалеку, и к домашней работе прибавилось еще мытье полов и стирка окровавленного белья. Он равнодушно подумал, что где-то идет война и сюда везут раненых.

А потом появился доктор. То, что он русский, Иван понял сразу, хотя говорил доктор на том же гортанном чужом языке.

Когда-то давно у первого хозяина работало, кроме Ивана, еще несколько русских, таких же, как он. Но первый хозяин его очень быстро продал второму. С тех пор Иван не видел ни одного русского. Он знал: где-то рядом, в соседних селах, есть такие же, как он, Иваны. Но ему казалось, все такие же немые, как он. Зачем говорить?

Когда появился доктор, что-то мучительно шевельнулось в душе Ивана. Он интуитивно старался держаться поближе к госпиталю, дольше, чем нужно, мыл полы. Ему вдруг захотелось услышать какие-нибудь русские слова – не те, что мелькали в потоках гортанной речи его хозяев, а настоящие.

Раненых становилось все больше. Иван не смотрел в их лица. Какое ему дело до их лиц? Но однажды он случайно скользнул глазами по выздоравливающему бритоголовому чеченцу. Чеченец этот был каким-то очень важным, самым главным. Иван узнал его сразу. Он поил кислой водкой на Московском вокзале двух дембелей. Узнал, но не понял – зачем? Чтобы понять, надо думать. Зачем думать, если он не хочет больше убегать? Он уже не помнил, куда надо бежать и зачем.

В горах он умрет с голоду. Голода он боится. Только голода и боится, больше ничего. А сейчас стали лучше кормить. Сейчас хорошо кормят. Еда может быть разной. Не только вода с крупой. Еда может быть вкусной. Русский доктор привозит вкусную еду специально для него.

Однажды доктор спросил фельдшера:

– Почему Иван? Он русский?

– Не знаю, – ответил фельдшер.

– Он здесь давно?

– Не знаю.

– Он всегда был глухонемым?

– Не знаю, зачем тебе?

Иван слышал весь разговор, понимал, что говорят о нем, и подумал только: «Нет, я не глухой. Я все слышу, но не говорю».

Доктор никогда не ел с ними, даже с фельдшером никогда не садился за один стол. Если он приезжал надолго, на целый день, то еду привозил с собой. Была маленькая комнатка, в которой он переодевался. Там стоял стол и два стула. Однажды Иван пришел мыть там пол. Он увидел у доктора на столе еду. Он только посмотрел, не попросил. А доктор протянул ему хлеба с колбасой, налил что-то темное и горячее в стакан и сказал по-русски, очень тихо:

– Сядь, Иван. Попей со мной чайку.

Иван не стал садиться, ел и пил стоя.

– Иван, ты русский? – спросил доктор еще тише.

Иван ел молча и сосредоточенно. Жевать хлеб и колбасу одними деснами было трудно. Он привык к крупе с водой.

– Ты ведь слышишь и понимаешь меня, – продолжал доктор, – ты ешь свинину, а мусульманин не стал бы.

Колбаса была очень вкусной. Наверное, и не колбаса вовсе, а что-то другое. Мусульмане такого не едят.

– Хочешь еще ветчины? – спросил доктор, когда Иван все съел.

Он вспомнил, как это вкусное называется: ветчина. Ее делают из свинины. А мусульмане не едят свинину. Доктор протянул ему еще.

– Только не спеши, Ваня. Я тебе отдам весь этот пакет, но ты не съедай все сразу. Ладно? Оставь себе на вечер.

Когда доктор приехал опять, он привез еду специально для Ивана и еще раз сказал:

– Только не спеши. Ты очень давно не ел нормальной пищи. Привыкать надо постепенно, а то заболит живот.

Иван делал, как велел доктор, – не спешил, хотя было очень вкусно. Доктор привозил ему не только ветчину с хлебом, но еще сыр, помидоры, яблоки, большие плитки шоколада. Он все аккуратно резал для Ивана, заворачивал в тонкие белые бумажки.

Иван узнал, что горячее коричневое в стакане называется «чай». Это слово его ошеломило. Оказалось, с ним связано столько всего странного, приятного, далекого. Чай сладкий, с ним легче жевать деснами, где-то когда-то Андрюха пил чай. Но Андрюха «умер».

Доктор поил Ивана горячим чаем и говорил с ним по-русски, очень тихо. Если кто-то из чужих оказывался рядом, доктор сразу замолкал. Иван почти не понимал, о чем говорит

доктор. Только отдельные слова. Но они рассыпались у него в голове. Андрюха бы понял, но он «умер». Ивану просто нравилось слушать русские слова и пить горячий сладкий чай.

Красивые пакеты и бумажки от еды, которую привозил доктор, Иван аккуратно складывал и хранил в укромном месте, в хлеву, где спал, под соломой. Особенно нравились ему бумажки от шоколадок – сверху с цветными картинками, а внутри были еще блестящие. Иван разглаживал их ногтем и складывал отдельно.

* * *

Все! Сегодня наконец Саня приезжает. Но видеть его совершенно не хочется. Пусть остается, живет здесь сколько влезет, а ей, Маше, покупает билет прямо на завтра.

Утром на пляже опять подсел, вернее, подлег какой-то хлыщ и так сочувственно стал объяснять:

– То, что вас, девушка, до сих пор не изнасиловали и не убили, просто чудо. Предлагаю свою защиту, бесплатное проживание в хорошем пансионате, в отдельном номере со всеми удобствами.

– Главное из удобств – вы сами? – спросила Маша.

– Естественно! – кивнул он и этак нежно большим пальцем провел по ее ноге.

– Пожалуйста, если вам не сложно, оставьте меня в покое, – устало вздохнула Маша и неожиданно для себя добавила: – С чего вы взяли, будто я одна? Я приехала в гости к Вадиму Николаевичу. Просто он занят.

– Тогда другое дело. Извините. – Хлыщ исчез.

«Вот так! – усмехнулась про себя Маша. – Еще раз спасибо господину с черной «Тойотой». Возможно, этот хлыщ никакого Вадима Николаевича и не знает, но ведь сработало!»

Следя за поднимающейся в турке кофейной пеной, Маша думала о Вадиме Николаевиче, о первом встречном седом дяденьке, которому лет сорок пять, вспоминала его красноречивый взгляд и предложение переехать куда-нибудь. Надо было задержаться у машины, поговорить с ним еще немного, просто так, потому что с ним приятно и спокойно находиться рядом, и теперь вообще непонятно, кого больше ей хочется увидеть, седого, первого встречного дяденьку или драгоценного Санечку Шарко.

«Первый красавчик курса снизошел до золушки-заморыша. “Ты не Шерон Стоун!” А ты Кевин Костнер, можно подумать!» – зло усмехнулась про себя Маша.

На самом деле Саня действительно был чем-то похож на Кевина Костнера. Но мало ли кто на кого похож?

Кофе опять убежал.

– Та самая Маша Кузьмина, у которой всегда убегает кофе! – пробормотала она, хватаясь за тряпку.

Черная гуща на белоснежной плите не сулила ничего хорошего. Маша давно заметила, что если утром убегает кофе, днем непременно случается какая-нибудь пакость. После хозяйкиной тряпки руки воняли, пришлось тереть их щеткой с мылом.

– Вот тебе, детка, поздний завтрак или ранний обед, – сказала себе Маша, усаживаясь наконец за стол. – Между прочим, деньги кончились. Если Саня вдруг задержится, еду купить не на что. Чьи это мудрые слова: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда»?

– Сама с собой, что ли, разговариваешь? Роль репетируешь? – услышала Маша голос хозяйки и вздрогнула.

Хорошо, хоть сынок ее уехал. Но теперь ей скучно. А Маша имела глупость в первый же день сообщить, что учится в театральном училище. Сейчас впору нести турку и тарелку с бутербродом к себе в комнату!

Хозяйка с рассеянным видом присела на лавку у стола.

– Соломина Юрия видела? – небрежно спросила она.

Маша молча кивнула.

– Ну и как?

– Замечательно.

– А жена у него какая?

– Жену не видела.

– Любовница есть, не знаешь?

– Понятия не имею.

– А этого, как его? Ну, Штирлица видела?

– Не помню.

– Как – не помнишь?! – возмутилась хозяйка. – Как это можно не помнить?! Он старый уже стал, Штирлиц-то… А какой был мужчина! Слушай, а вот скажи, чтоб в фильме сняться, надо с режиссером переспать?

– Галина Ивановна, – терпеливо стала объяснять Маша, отставляя чашку и закуривая, – я закончила второй курс. Про фильмы пока ничего не знаю. Но думаю, спать с режиссером вовсе не обязательно.

– Ничего ты не знаешь, не помнишь, – разочарованно фыркнула хозяйка, – даже сериалы не смотришь. Вот там актеры, там игра! Ты «Просто Марию» смотрела? Нет. А я ни одной серии не пропустила. Вот объясни мне, почему наши так не могут? Попробовали снять эти, как их? «Петербургские тайны». Ох и скукота! Лучше бы не показывали, постыдились. Поучились бы у бразильцев!

– Кому что нравится… – пожала плечами Маша.

– Слушай, а у вас там, в театральном училище, все такие тощие, как ты?

– Нет, не все. Разные есть.

– Актриса должна быть в теле, – авторитетно заявила хозяйка. – Что это за женщина – ни спереди ничего, ни сзади, ни по бокам?

Маша встала и отправилась к раковине мыть чашку и турку.

– Ты гущу-то кофейную в раковину не лей, засор будет! – спохватилась хозяйка. – Вон в цветы выливай!

Терпеть осталось пять часов. Всего пять часов. Санин поезд прибывает в двадцать сорок, а сейчас три. «И что я на него злюсь? – подумала Маша. – Он не виноват. Разве он мог знать, как мне здесь будет плохо? Он ведь никогда не был одинокой девицей на черноморском курорте и не может представить, какая это гадость. И почему он должен ради меня отказываться от роли красавца вампира? Он ведь только уговаривал меня ехать в одиночестве и ждать здесь, а вовсе не заставлял. Он тоже ездил на юг в последний раз только в детстве, с родителями».

Запершись у себя в комнате, Маша решила скоротать время балетными упражнениями. Спинки кровати были металлические, никелированные. Она приспособилась одну из них использовать как балетный станок. Ничто так не успокаивало, как занятия у станка.

Взявшись за холодную перекладину, Маша стала командовать себе шепотом:

– Плие! Анкор плие! Гран батман!

Прозанимавшись больше часа, она улеглась на кровать с книгой воспоминаний Алисы Коонен.

Наконец стрелки наручных часиков показали половину восьмого. Маша умылась, причесалась и отправилась на вокзал. Поезд прибыл точно по расписанию, в двадцать сорок. Она стояла у девятого вагона. Начали выходить пассажиры. Прошло двадцать минут. Почти все вышли. Сани не было.

«Вот ты и накаркала беду! – зло усмехнулась Маша. – Вот тебе и убежавший кофе!»

Она подошла к проводнице:

– Скажите, пожалуйста, в вагоне кто-нибудь еще остался?

– У меня никого, – пожала плечами проводница.

«Может, я перепутала вагон? Или Саня что-нибудь перепутал?»

Она обошла платформу. «Если он ехал в другом вагоне, то стоит сейчас и ждет…» Но Сани нигде не было видно.

Маша посидела на лавочке, выкурила сигарету, убедила себя пока не волноваться и отправилась на переговорный пункт.

Опять проваливались жетоны и обрывалась связь. Но Маша решила не уходить, пока не дозвонится. Наконец послышались далекие дребезжащие гудки. Трубку взяла Санина мама.

– Машенька, здравствуй! Тебя очень плохо слышно. Саню позавчера забрали в больницу с острым аппендицитом. Он просил выслать тебе деньги телеграфом до востребования. Он очень волновался, что не сумеет приехать. Я тебе сегодня утром отправила четыреста тысяч на обратную дорогу.

– Спасибо, Нина Владимировна, – упавшим голосом произнесла Маша, – только родителям моим ничего не говорите. Передайте Сане, пусть не беспокоится, выздоравливает. Я приеду – деньги верну.

Связь оборвалась. Перезванивать Маша не стала.

Глава четвертая

Елизавета Максимовна Белозерская не любила своего мужа. Пятнадцать лет назад, выходя замуж, очень надеялась, что полюбит. Но так и не смогла.

Пятнадцать лет назад Елизавете Максимовне исполнилось двадцать пять, а ее мужу – пятьдесят. Он был пианистом с мировым именем. Лиза преклонялась перед его талантом. Он ухаживал за ней трогательно и возвышенно. Бросая все дела, мчался ночной «Красной стрелой» из Москвы в Питер, чтобы увидеть Лизу, побыть с ней несколько часов.

Лиза танцевала в «Мариинке» и замуж не собиралась. Но если уж выходить, то только за такого – одаренного, мягкого, милого, трогательного человека. Любви, конечно, не было, но потом, со временем… Как же можно его не полюбить? Тем более он в Лизе души не чаял.

Оставив в Ленинграде родителей и «Мариинку», Лиза переехала в Москву, к мужу. Она честно старалась стать ему хорошей женой. При ее легком, уживчивом характере это оказалось не слишком сложно.

Муж многого не требовал. Оба занимались любимым делом – он музыкой, она танцем. С работой в Москве у Лизы проблем не возникало. В балетных кругах ее знали.

Лиза очень хотела родить своему пианисту ребенка, хотя знала, чем это обернется для нее как для танцовщицы. Ей казалось, ребенок заставит ее полюбить пианиста по-настоящему, как мужчину, как мужа, а не просто как одаренного музыканта и трогательно-доброго человека. Когда-то пианист уже был женат, но детей в первом браке не получилось. Не получалось и сейчас. Лиза искренне считала, что дело в ней, а не в нем. Просто ее балетный организм для материнства не приспособлен. У женщин ее профессии это обычное дело.

Они казались вполне счастливой и благополучной парой. Но у Лизы на третий год совместной жизни начались необъяснимые приступы тоски и раздражения. Воспитание не позволяло выпускать это наружу, с мужем и окружающими она оставалась все такой же ровной, спокойной и доброжелательной. А жизнь ее между тем постепенно превращалась в тихий, уютный, интеллигентный ад. Изменять мужу и заводить любовника она не собиралась – слишком уважала своего пианиста, жалела его и измену считала предательством.

Майор Константинов появился однажды за кулисами Дома офицеров после концерта в честь Дня Вооруженных сил, высокий, широкоплечий, с букетом белых орхидей.

Широкоплечие офицеры с букетами не были новостью в Лизиной балетной жизни. Но между ней и Константиновым вдруг что-то произошло, будто молния вспыхнула. Они перестали видеть и слышать кого-либо вокруг, кроме друг друга.

В отношениях со своим пианистом Лиза держалась за бесконечные «потому что…»: «Я вышла замуж за него, потому что он гениальный музыкант, умный, добрый человек, любит меня и ничего не требует…» С Глебом Константиновым никаких «потому что…» не требовалось. После третьей встречи они поняли, что жить друг без друга не могут. У майора были жена и шестнадцатилетний сын. Два месяца они с Лизой встречались тайно. Но оба мучились из-за необходимости врать и выкручиваться.

Однажды Лиза сказала своему пианисту:

– Нам нужно поговорить.

Он остановил ее:

– Я знаю, Лизонька, ты хочешь уйти от меня. Не мучай себя. Поступай, как считаешь нужным.

А через полчаса Лизе пришлось вызывать «скорую». У пианиста случился инфаркт.

У жены Константинова инфаркта не случилось. Она дослушала супруга до конца и спокойно сказала:

– Разводиться и разменивать квартиру мы не станем. Ты волен гулять на стороне сколько влезет. Я ведь тоже не ангел и даже рада, что так получилось. Но для нашего сына и для окружающих мы останемся мужем и женой. А если ты попытаешься настаивать на другом варианте, я тебе гарантирую: сына ты больше никогда не увидишь и на службе поимеешь серьезные неприятности.

Навещая своего пианиста в больнице, Лиза кормила его с ложечки, гладила по голове и говорила, что никуда не уйдет.

– Пусть ты живешь своей жизнью, – слабо улыбался пианист, – пусть. Только не бросай меня.

«Будь что будет», – решили Лиза и Глеб и продолжали встречаться. А еще через месяц Лиза с удивлением узнала, что беременна. Родившийся мальчик даже в младенчестве походил на Константинова.

Папой маленький Арсюша называл пианиста, и пианист любил его, как собственного сына, – других детей у него не было. Лиза и Арсюша оставались его семьей.

– Остальное меня не касается! – говорил он.

Константинова мальчик знал с первых дней жизни и называл его, как мама, Глебушка. Ребенок не задумывался, кто такой этот Глебушка, откуда он взялся. Он обожал Константинова, смотрел ему в рот, пытался во всем подражать. Он радовался, что у него есть папочка, ласковый, уютный, «маленький» – как он сам говорил о нем, хотя пианист был крупный, очень полный мужчина; и есть Глебушка, сильный, большой, строгий. Детское чутье подсказывало Арсюше, что эти два мира в его и маминой жизни нельзя смешивать. Никогда в присутствии пианиста он не говорил о Константинове.

Странная ситуация неожиданно оказалась оптимальной для всех. Лиза воспринимала пианиста как близкого родственника. Больше десяти лет они спали в разных комнатах. Пианист часто болел, страдал ишемической болезнью сердца и гипертонией, Лиза ухаживала за ним, как за малым ребенком. Он был совершенно беспомощен в быту, рассеян, забывчив. Жить один не мог, но никого, кроме Лизы, видеть рядом не хотел. Никто так хорошо не знал его привычек, вкусов, болезней, слабостей, никто не мог с такой легкостью создать вокруг него тот бытовой комфорт, который был необходим для нормальной работы.

Жена Константинова больше всего на свете любила свою выстраданную, ухоженную квартиру и дорожила общественным мнением. Стать брошенной женой казалось ей несопоставимо страшней, чем быть просто нелюбимой женщиной. К тому же у нее была своя, весьма бурная, личная жизнь.

Сын Константинова вырос, его интересовали только собственные проблемы. Он считал, что родители сами разберутся.

Лиза и Глеб были счастливы от того, что они есть друг у друга и никому своей любовью не портят жизнь. У Константинова, правда, возникли некоторые проблемы по службе, но чин полковника ему все-таки дали. Но как верно заметил его начальник, генеральские погоны уже не светили.

Много лет подряд один летний месяц Лиза и Глеб проводили вместе. Лиза с Арсюшей отдыхали в ведомственном санатории «Солнечный берег», в курортном городе на Черном море. Глеб жил в отдельном номере в том же санатории, на том же этаже. Там их давно знали, сплетничать было уже неинтересно. Администрация санатория в первый же их совместный приезд перемыла странной парочке с мальчиком все косточки, и в последующие приезды Белозерскую с Константиновым никто не обсуждал. К ним привыкли.

В последние два года Глеб не мог себе позволить отдыхать целый месяц. Полковник вырывался на побережье на несколько дней, с утра до вечера занимался служебными делами, с Лизой и с сыном мог провести совсем немного времени.

Приехав в «Солнечный берег» два дня назад, Лиза не надеялась, что Глеб сумеет вырваться скоро и надолго. Но он появился без всякого предупреждения на третий день, поселился, как всегда, в соседнем одноместном полулюксе и весело сообщил:

– Все, Лизонька! На этот раз – никаких дел. Отдыхаем и ни о чем не думаем.

Арсюша, визжа от восторга, повис у него на шее. Лиза счастливо улыбнулась. Она не подала виду, что ни секунды не верит своему любимому полковнику. Какой отдых, когда в области предвыборная кампания, по всему городу развешаны листовки кандидатов в губернаторы и многие из них – откровенно бандитского содержания? К тому же всей стране известно: здесь, в горах, прячутся чеченские террористы, через границу идут составы с оружием.

Всякий раз, когда она заикалась о своих опасениях, Константинов утешал ее:

– Лизонька, я же на родине работаю, на своей территории. Ни погонь, ни перестрелок, только мозгами шевелю, как кабинетный червь. Скажи спасибо, что меня не посылают ни в Чечню, ни в Таджикистан.

– Спасибо, – вздыхала Лиза.

Они провели чудесный день. Загорали на пляже, играли в бадминтон, сходили на рынок, накупили фруктов. На рынке Глеб подошел к мяснику и, поздоровавшись за руку, спросил:

– Как насчет домашнего вина? Прошлогоднего, из «Изабеллы»?

– Канистра для вас готова, два литра, как договаривались, – кивнул пожилой усатый мясник в кепке «аэродром», – правда, цены теперь подпрыгнули. Литр – десять тысяч.

– Спасибо. Я не торгуюсь. Вино отличное, – ответил полковник.

«Да уж, отдыхаем!» – усмехнулась про себя Лиза.

Вечером в холле санатория Глеб купил билеты на экскурсию в пограничное государство. Билеты стоили страшно дорого. В пограничном государстве шла война, и тамошние всемирно известные достопримечательности несколько лет подряд были для туристов закрыты. Официально они не открылись до сих пор, но для местной туристической фирмы «Комфорт-тревел» ни война, ни граница значения не имели. Наоборот, чем сложнее было попасть в соседнее государство, тем большие деньги готовы были платить отдыхающие, чтобы в комфортабельном «Икарусе», с гарантией полной безопасности, поглядеть на знаменитые водопады, побывать в только что восстановленном обезьяньем питомнике, вообще полюбопытствовать, что происходит в доступном когда-то, а ныне закрытом маленьком кавказском государстве.

Первые два экскурсионных автобуса предприимчивая фирма умудрилась даже обеспечить «бэтээрами», сопровождавшими туристов от границы. Но потом необходимость в «бэтээрах» отпала, военные действия на территории кавказского государства утихли. К тому же купить безопасность туристов у местных властей оказалось дешевле, чем оплачивать услуги военных.

Обезьянник, находившийся в столице маленького государства, был известен на весь мир. Но в начале войны нежные животные не выдержали грохота обстрелов и в ужасе разбежались из своих клеток. Часть обезьян погибла, часть пропала без вести. Это взволновало мировую общественность, в разных европейских странах прошли демонстрации «зеленых» и борцов за права животных.

Однако нескольких обезьян удалось отловить. Их привезли уже не в столицу, а в один из уцелевших городов, поближе к российской границе. Обезьянам в новом питомнике жилось не многим лучше, чем людям в разоренном государстве. Но теперь они уже не могли убежать. Клетки намертво запирались и тщательно охранялись. Конечно, новый, наскоро воссозданный обезьянник не шел ни в какое сравнение с прежним. Животных осталось мало, редкие породы исчезли. Но желающие взглянуть все равно находились.

– Ребенок ведь никогда не был в тамошнем обезьяннике, – оправдывался Глеб, покупая билеты, – и водопада не видел.

– Ты, мамочка, можешь не ехать! – заявил Арсюша.

Лиза не стала спрашивать Глеба, насколько безопасна экскурсия. Она не сомневалась: если он едет с ребенком, ничего страшного не случится.

Ночью, когда Арсюша уснул, она в одном халатике быстро прошмыгнула в номер Константинова.

– Так-то ты отдыхаешь! – прошептала она, ныряя к нему под одеяло.

– Да, Лизонька, да, солнышко мое, – прошептал он в ответ, развязывая пояс ее халатика.

Глава пятая

Экскурсионный автобус фирмы «Комфорт-тревел» отправлялся в восемь часов утра от ворот санатория «Солнечный берег». Елизавета Максимовна на экскурсию не ехала – ее укачивало.

– Пожалуйста, – говорила она, провожая Глеба и Арсюшу, – по деревьям и горам не лазай, кепку на солнце не снимай, не заставляй Глебушку делать замечания каждые пять минут. Это очень утомительно.

– Хорошо, мам. Шелковый буду, – обещал Арсюша, садясь в автобус.

Утро было свежим и прохладным. Солнце еще не жгло, светило мягко и ласково. «Икарус» мчался по пустому шоссе вдоль моря. Переливалась солнечная рябь на воде, далеко, у горизонта, покачивались крошечные цветные паруса яхт.

Арсюша дремал, положив голову Глебу на плечо. Глеб думал о предстоящей встрече с агентом, стариком буфетчиком, работавшим на небольшой железнодорожной станции, сразу за границей. Старик передал по эстафете, через мясника на городском рынке, что имеет срочную информацию.

«Икарус» должен был сделать первую остановку именно на этой станции, где шоссе шло параллельно железной дороге. Многие годы автобусы с туристами останавливались у небольшого вокзального здания с помпезными белыми колоннами.

Столики выставлялись на улицу, над ними раскрывались полосатые солнечные зонты. Старушки, жительницы поселка, продавали у обочины абрикосы, сливы и груши.

Сейчас белые колонны облупились, были искаляканы ругательствами снизу доверху. Столиков осталось всего два, солнечные зонты исчезли, большая цветочная клумба превратилась в выгребную яму. Однако буфет все еще работал и две старушки у обочины торговали вялыми пучками укропа и каменными на вид зелеными персиками.

Автобус остановился.

– Господа туристы! – сказала в микрофон девушка-экскурсовод. – У вас есть сорок минут. Туалет направо, за зданием вокзала. В буфете вам предложат легкий завтрак.

Небольшая толпа распределилась между деревянной будкой сортира и черной от мух буфетной стойкой. К вывороченному медному крану со слабой струйкой ржавой воды выстроилась очередь.

– Глебушка, давай мы не будем здесь есть. Пойдем лучше погуляем немного, разомнемся. Нам ведь мама дала с собой бутерброды, – предложил Арсюша.

Кроме бутербродов, предусмотрительная Лиза дала им пачку влажных антисептических салфеток, поэтому в очереди к крану стоять не пришлось.

– Хорошо, – кивнул Глеб, – посиди здесь, на лавочке. Я все-таки взгляну, чем там кормят в буфете. Жди меня, никуда не уходи.

За стойкой стояла молодая полная женщина с темными усиками. Старика нигде не было. «Мало ли что могло случиться, – тревожно подумал полковник, – старику за семьдесят».

– Сосиски с зеленым горошком и кофе с молоком из ведра, – сообщил он Арсюше, который ждал на лавочке, как примерный мальчик. – Пойдем немного погуляем. Потом ехать еще часа два.

Обогнув вокзал, они прошли мимо старушек.

– Давай купим у этой бабушки персиков, – попросил Арсюша.

Глеб знал – он просит купить персики не потому, что ему хочется. Просто мальчик всегда очень жалел старушек. Он видел – никто у них ничего не покупает.

– Как у вас здесь все изменилось! – вздохнул Константинов, расплачиваясь за несъедобные персики.

– И не говори, сынок, – прошамкала беззубым ртом старушка абхазка, – война она и есть война. Сейчас хотя бы спокойно. Не стреляют. Но говорят, – она перешла на выразительный шепот, – у нас в горах чеченцы.

– Не может быть! – удивился полковник. – Как же их сюда пропускают?!

– Да тут кого угодно пропустят. Только деньги плати.

– А вот, помнится, здесь старичок работал, буфетчик. Неужели на пенсию ушел? – рассеянно спросил Константинов.

– Рафик? – вступила в разговор другая старушка. – Рафика завтра хоронить будут.

– Как – хоронить?! Он ведь не такой уж старый человек…

– Совсем не старый, – кивнула старушка, – меня моложе на семь лет, а вот ее – на десять. Вчера вечером полез на шелковичное дерево, ветка сломалась, он и упал. Да не просто, а на каменное крыльцо головой. Сразу умер, не мучился.

– Надо же! – грустно покачал головой Константинов.

– А ты, сынок, знал его, что ли?

– Ну как вам сказать? Отдыхал здесь когда-то давно, заходил в буфет иногда, пивка выпить. Сейчас вот вспомнил старика буфетчика. Хороший был старик.

Поездка оказалась напрасной. «Неужели и правда несчастный случай? – думал полковник, усаживаясь в автобус. – Или дыра на эстафете? Нет, дыры быть не может. Но и в несчастный случай что-то не верится…»

Звенья цепи эстафеты сами по себе значения не имели и никакой информации для постороннего содержать не могли. Эстафета была выстроена и продумана до мелочей самим генералом Фроловым. Предположим, отправлялась какая-нибудь сельская жительница в небольшой пограничный городок, а сосед кричал через забор:

– Анжела! Если тебе не трудно, подойди к мяснику Зурабу на рынке. Он всегда стоит в конце ряда, пожилой такой, с большими усами. Скажи, у Рафика есть две канистры домашнего вина для покупателя.

Ничего не подозревающая Анжела добросовестно выполняла просьбу соседа, находила мясника на рынке. А к Зурабу, в свою очередь, наведывался постоянный покупатель, который покупал у него баранину для шашлыка и просил узнать, не продает ли кто-нибудь в горах домашнее вино из винограда определенного сорта.

Таким образом назначались встречи, один агент вызывал другого или сообщал, что в определенном месте находится контейнер с секретом. В цепочке были задействованы люди, не имевшие понятия, что передают самую что ни на есть шпионскую информацию и работают на военную разведку.

Рафик Саидович не имел сотового телефона, но у него был «соседский телеграф». Кто-то постоянно ездил из села за покупками, особенно во время войны, когда поблизости, в окрестных селах, исчезли соль, спички, мыло и мука. Глубоко в горах у Рафика было множество родственников. Он часто навещал их, то пешком, то на своем старом «Запорожце». Многое он в горах мог заметить сам, кое-что рассказывали родственники.

Старик прошел войну до Берлина в чине рядового пехоты, потом многие годы чувствовал какую-то внутреннюю связь с военными. Люди в форме были для него почти родственниками – но только в военной форме, не в милицейской. Милицию Рафик Саидович не жаловал, небезосновательно считая, что каждому второму стражу порядка платит та или другая мафия.

Неподалеку от поселка, в котором он жил, находился небольшой закрытый санаторий, принадлежавший Министерству обороны. Отдыхающие офицеры часто наведывались в чистый, уютный привокзальный буфет. Принося офицерам самое свежее пиво и самый вкусный шашлык, Рафик останавливался у столиков и говорил:

– Только военные могут навести в горах порядок. Милиция у нас вся продалась бандитам, а среди военных остались еще порядочные люди. Там в горах – и наркотики, и оружие. Никто не чешется, никому дела нет.

Офицеры сочувственно кивали, принимая речи буфетчика за обычное стариковское ворчание и пустую болтовню.

Только перед самым началом войны, когда отдыхающих офицеров почти не осталось, а на Кавказском побережье запахло порохом, капитан из Москвы, случайно заглянувший в буфет выпить пива, прислушался к ворчанию старика.

– Оружие, говорите, в горах? А можете показать на карте, где именно?

Той же ночью он встретился с Рафиком Саидовичем на санаторном пляже, без свидетелей, и старик при свете ручного фонарика отметил крестом на крупномасштабной карте место в горах, где находился большой оружейный склад.

Через два дня склад там действительно обнаружили.

Сначала на него как на информатора не особенно рассчитывали, пользовались от случая к случаю. Было странно, что кавказец, местный житель, так просто согласился работать на русских военных – даже не согласился, а сам напросился. Пытались нащупать какой-нибудь подвох, тайный умысел, проверяли, не двойной ли он агент. Но потом выяснилось, что «умысел» у него только один. «Я хочу, чтобы у нас было спокойно и мирно. Своих солдат у нас нет – только бандиты. А от бандитов не жди покоя, – рассуждал Рафик Саидович. – У меня три дочери и семеро внуков. Я не желаю, чтобы они жили в бандитском государстве, напичканном оружием и наркотиками».

От старика Константинов надеялся получить информацию об Ахмеджанове. Именно у Рафика Саидовича была возможность выяснить, скрывается ли сейчас в горах известный на всю страну чеченец, и если скрывается, то где именно. Задание дали старику за день до вылета полковника из Москвы. И вот от Рафика Саидовича пришел сигнал по эстафете – очень быстро, практически сразу. Старик вызывал на встречу, хотел сообщить нечто важное. А вчера упал с шелковичного дерева и разбил голову о каменное крыльцо…

В такие совпадения Константинов не верил. Дыры в эстафете представить не мог. Значит, старик засветился. Рано или поздно светятся все агенты такого рода. Но неужели старик попался именно на Ахмеджанове? Неужели «несчастный случай» является хоть и косвенным, но подтверждением, что террорист сейчас там, в горах?

Полковник постоянно ловил себя на том, что вынужден работать на родной территории, как на вражеской. Получается полнейший абсурд. В горах прячется террорист международного масштаба, по разрушительной силе сравнимый с бесхозной ядерной боеголовкой, но никому как бы и не надо, чтобы он был обезврежен.

Официальные власти кавказского государства с негодованием отрицали саму возможность размещения на их территории чеченских военных баз. Запустить в горы спецназ можно, только имея стопроцентную гарантию, что Ахмеджанов там. И место его нахождения следовало определить с точностью до нескольких километров. На прочесывание гор никто не даст ни времени, ни полномочий. Пока спецназ будет там рыскать, Ахмеджанов окажется где-нибудь в Турции и след его простынет. Тогда скандала с местными властями не избежать. Заткнуть их можно только самим Ахмеджановым: вот он, знаменитый бандит! А вы уверяли, будто нет на вашей территории никаких чеченских полевых командиров!

С другой стороны, от Ахмеджанова тянутся серьезные связи – до Москвы, до ФСБ, до ближайшего президентского окружения. Поэтому чем меньше внимания привлечет к себе отдыхающий с любовницей полковник ГРУ, тем лучше. Опираться можно только на самых надежных агентов. Одного Константинов уже потерял.

Автобус въехал в пустой, полуразрушенный город. Заколоченные кафе и магазины, разбитые витрины, следы баррикад на улицах, редкие мрачные прохожие, несколько безнадеж-

ных очередей к хлебным и молочным лавкам. Когда-то здесь бурлила яркая, праздничная курортная жизнь. На каждом шагу жарились шашлыки, варился изумительный турецкий кофе на раскаленном песке. Над чистыми аллеями покачивались широкие пальмовые листья, по переполненным пляжам расхаживали усатые фотографы в ковбойских шляпах, с огромными надувными дельфинами и маленькими живыми обезьянками в детских костюмчиках; звучали зычные голоса продавцов чурчхелы и мороженого. Вечерами вспыхивали яркими цветными огнями вывески бесчисленных кафе и ресторанов, играла музыка, по набережной прогуливались нарядные парочки, семьи с детьми.

Совсем рядом, на российской территории, все осталось по-прежнему – тот же вечный курортный праздник. О близости войны напоминали только редкие военные патрули и беженцы, ночующие на вокзале, в аэропорту, в городских дворах и парках.

«Кавказские войны могут в конце концов пожрать все побережье, – думал полковник, – и не останется живого места».

Он усмехнулся про себя. Какую прыть проявляли смежники, ФСБ, в недавнем прошлом КГБ, а в давнем – ОГПУ, какие чудеса профессионализма демонстрировали, охотясь за идеологическими врагами. Врагов режима с первых же лет его существования доставали из-под земли, находили на краю света, не жалея денег и сил, уничтожали беспощадно. Вспомнить хотя бы старого, больного Льва Троцкого, забитого насмерть ледорубом в далекой Мексике агентом ОГПУ.

Куда же делась прежняя прыть сейчас, когда надо бороться не с мифическими «врагами народа», а с реальными, которые взрывают поезда, берут заложников, расстреливают женщин и детей?

Больше четверти века назад, учась в Военной академии Генерального штаба, Глеб Константинов познакомился с легендой советской разведки полковником Вильямом Генриховичем Фишером, известным под фамилией Абель. Девять лет он проработал нелегалом в Нью-Йорке, поставляя информацию о новейших разработках в области атомного оружия. За девять лет – ни единого прокола… А провалил его засланный в качестве связника майор КГБ, запойный алкоголик, не желавший и не умевший работать, плохо знавший английский. Попав в сытую благополучную Америку, он стал шляться по кабакам, женился, избивал жену-американку до полусмерти. Соседи вызывали полицию каждый вечер, слыша душераздирающие вопли из дома, в котором жил бывший следователь КГБ.

И немудрено: майор сделал карьеру, допрашивая «врагов народа». Со своими привычками он не мог расстаться. Не расставался он и с долларами, которые получал для передачи другим агентам.

Фишер потребовал майора отозвать. Отозвали. Но тот домой не собирался, доехал до Парижа, явился в посольство США и заложил резидента Марка, то есть Фишера, к которому питал личное отвращение как к «паршивому интеллигенту».

Вильяма Генриховича арестовали, долго пытались перевербовать. Не удалось. Судили, приговорили к смертной казни, потом заменили ее на пожизненное заключение. В американской тюрьме он просидел пять лет, пока не произошел известный по фильму «Мертвый сезон» обмен на американского разведчика, летчика Пауэрса.

Замечательный фильм-сказка. Реальность больше походила на скверный анекдот, чем на сказку, – к бесценному агенту в качестве связника посылается алкоголик, плохо знающий английский.

Думая обо всем этом, Константинов брел вдоль грязных клеток обезьянника. Голодные, одичавшие животные метались, не находя себе места. Макака «черный паук» с выпученными красными глазами и длинными толстыми конечностями вцепилась в прутья клетки и, обнажив массивные бледные десны и сточенные до корней зубы, издала хриплый отчаянный крик. Арсюша вздрогнул, отпрянул от клетки и прижался к Глебу.

– В Московском зоопарке обезьяны совсем другие, – тихо сказал он, – зря мы сюда приехали.

Полковник молча погладил сына по голове. Он в который раз вспоминал, как гулял с Вильямом Генриховичем по осенней роще в подмосковном поселке старых большевиков, где Фишер жил последние годы с женой Еленой и дочерью Эвелиной.

– Советский разведчик проваливается не потому, что его раскрывает противник, – говорил Фишер, – его проваливает глупость центра, аппаратные интриги, безграмотные идиоты-коллеги. Никто не работает против нас с таким рвением, как мы сами…

Группа экскурсантов села в автобус. Предстоял еще знаменитый водопад. Перед Глебом вдруг явственно возникла невысокая худая фигура полковника Фишера, острое точеное лицо, огромный лоб. Он помнил тот пасмурный день в середине сентября 1971 года очень подробно. Каждая мелочь намертво врезалась в память – шорох редкого теплого дождя в осиновых листьях, крепкий чай за круглым столом в гостиной большого деревянного дома. Через два месяца Вильяма Генриховича не стало.

Шум водопада не давал сказать ни слова, но не мешал думать. «Легко было ловить диссидентов-антисоветчиков, людей интеллигентных и безоружных. Куда сложней и опасней ловить бандитов. Вот и гоняются за нашими уголовниками зарубежные спецслужбы. А мы в лучшем случае им не мешаем. Если Ахмеджанову удастся уйти, вполне вероятно, что полиция Турции, Германии или Швеции попытается его арестовать. Какому нормальному государству захочется иметь на своей территории опаснейшего террориста? Но также вероятно, что найдутся силы в ФСБ, которые сделают все возможное, чтобы Ахмеджанов не был пойман. Никем и никогда».

Собственные рассуждения часто казались Константинову наивными и мальчишескими. Но он знал – если бы не осталось в нем за годы работы в ГРУ этого наивного мальчишества, он не был бы разведчиком.

В шестидесятивосьмилетнем Вильяме Фишере, Герое Советского Союза, прошедшем страшную школу цинизма и жестокости, в худом желчном старике, которого уже пожирал рак легких, вопреки всему светился мальчишеский азарт – до последних дней жизни.

Арсюша уже падал с ног от усталости. Измученных экскурсантов наконец пригласили в автобус. К вечеру жара усилилась, стало душно. С гор ползла тяжелая темно-лиловая туча.

Было совсем темно, когда переезжали границу. Горел прожектор, пассажиры высыпали из автобуса подышать. Первые крупные капли дождя застучали по шоссе, по крыше «Икаруса».

– Я быстро по-маленькому сбегаю, – прошептал Арсюша и тут же скользнул в темноту.

Автобус стоял на российской территории. Паспорта у пассажиров уже проверили. Это была последняя остановка перед оставшимся куском пути.

Редкие капли в один миг переросли в сплошную стену ливня, в горах громко и гулко ударил гром. Пассажиры бросились к автобусу. Сквозь шум дождя Глеб услышал слабый вскрик и увидел в свете прожектора худенькую маленькую фигурку сына. Мальчик шел из темноты, всхлипывая и как-то странно оттопыривая правую руку. Глеб бросился к нему.

– Я упал, – захлебываясь слезами, сообщил Арсюша, – я упал прямо на руку. Очень больно.

«Перелом! – мелькнуло в голове полковника. – А до города еще полтора часа пути. Полтора часа Арсюше придется терпеть эту дикую боль!»

Он осторожно взял сына на руки. Вокруг стали собираться люди.

– Я не могу опустить локоть, – плакал мальчик, – я не могу больше терпеть. Очень больно.

Константинов понес ребенка к будке пограничного контроля. Там ярко горел свет. «Нужно хотя бы посмотреть, что с рукой, – решил он, – там наверняка есть аптечка первой помощи. Надо зафиксировать руку и дать обезболивающее. А потом уже ехать в город, в травмпункт».

В маленьком помещении было сильно накурено. При ярком свете стало видно, как страшно бледен Арсюша и как неестественно вывернута его рука. Пограничники тут же сориентировались в ситуации, загнали остальных пассажиров в автобус. Круглолицый старлей с пшеничными бровями и усами кинулся помогать Глебу, присевшему на стул с ребенком на руках.

Мальчик почти потерял сознание. Как и боялся полковник, у него начался болевой шок. Старлей поднес нашатырь, кто-то уже держал наготове стакан воды и сдирал целлофановую обертку с картонной пачки баралгина.

Если бы это был не его сын, а чужой ребенок, полковник мог бы сейчас спокойно осмотреть руку, отвлечь мальчика разговором, определить, перелом это или вывих, наложить фиксирующую повязку, как учили его много лет назад на занятиях по оказанию первой помощи. Но сохранить хладнокровие, когда дело касалось собственного сына, он не мог и растерялся. С его ребенком такое случилось впервые. Ни у старшего сына, ни у Арсюши дальше разбитых коленок и порезанных пальцев пока не заходило.

И тут пограничники расступились. Перед Константиновым стоял высокий седой человек в черных джинсах и мокрой от дождя белой рубашке. Он ловко снял с ребенка майку, осмотрел плечо, притронулся к лучевой артерии, слегка отогнул кисть.

– Вывих, – тихо сообщил он, – перелома нет.

Присев на корточки перед мальчиком и глядя ему в глаза, он произнес:

– Сейчас я сделаю тебе укол. Будет немного больно. Но ты потерпишь. Придется потерпеть всего несколько секунд, зато потом сразу все пройдет. Хорошо?

– Хорошо, – еле слышно отозвался Арсюша, – я потерплю.

Константинов сразу узнал этого человека. Перед ним был Вадим Николаевич Ревенко, лучший хирург области, с которым необходимо вступить в контакт в ближайшее время, не засветив ни его, ни себя. Последняя реальная возможность добраться до Ахмеджанова.

В руках Ревенко появился одноразовый шприц с длинной иглой, надломленная ампула новокаина.

– Пожалуйста, держите ребенка, – тихо сказал он Глебу, – вот так, чтобы не дернулся. Как тебя зовут? – обратился он к мальчику, протирая спиртом кожу вокруг плеча.

– Арсений…

– Хорошо, Арсюша. Ты молодец, ты просто герой. Сколько тебе лет?

Длинная игла вошла глубоко, до самой кости.

– Десять…

– Ну вот и все. – Быстрым движением Ревенко вытащил иглу, приложил к уколотому месту вату со спиртом. – Сейчас ты вообще ничего не почувствуешь. Ты ездил смотреть обезьянник?

Арсюша кивнул.

– Ну и как? Ты там был в первый раз?

– В первый. В Москве обезьяны лучше живут. – Арсюшины щеки чуть порозовели.

– Ты из Москвы?

– Да. Я здесь отдыхаю с мамой и Глебом. Мама на экскурсию не поехала, ее укачивает в автобусе. Ох, если бы она видела – нервничала бы ужасно. Знаете, уже совсем не болит. Так было, когда мне зуб рвали. А вы мне руку вырывать не будете? – Арсюша слабо улыбнулся.

– Обязательно, – засмеялся доктор, – непременно надо вырвать, только у меня нет с собой специальных клещей. Для зубов нужны маленькие, а для рук и ног – здоровенные. Их таскать неудобно, тяжело.

Он взглянул на часы, потом пощупал плечо мальчика:

– Что-нибудь чувствуешь?

– Нет. Совсем перестало болеть. Рука будто чужая.

– Крепко держите плечи. Фиксируйте, – быстро шепнул доктор Константинову на ухо.

Моментальным движением он развернул вывихнутую руку, потом как-то мягко потянул, повернул локоть вперед, легко дернул. Глеб услышал слабый щелчок.

– Ну, попробуй пошевели рукой.

Арсюша осторожно подвигал сначала кистью, потом локтем.

– Отлично. Молодец. Сейчас тебя забинтуем, как раненого бойца, а завтра утром надо непременно сходить в травмпункт.

– Скажите, – обратился полковник к доктору, – когда анестезия пройдет, ему будет больно?

– Немного, – кивнул Ревенко, – на ночь дадите таблетку анальгина. Этого достаточно. Вы отдыхаете дикарями или в каком-нибудь пансионате?

– В «Солнечном береге».

– Тогда вам не надо в травмпункт. Зайдите к тамошнему терапевту, к Зинаиде Сергеевне. Она опытный врач. Думаю, повязку можно будет снять дня через два.

– Спасибо вам, доктор, – тихо сказал Константинов.

– На здоровье, – улыбнулся Ревенко, закрепляя бинт, – майку накиньте сверху и еще что-нибудь, чтобы повязка не промокла. Там дождь как из ведра. Ты, Арсюша, руку береги. Она тебе еще пригодится.

Он быстро вышел в темноту, под дождь.

Садясь в дожидавшийся их автобус, полковник увидел, как исчезают за поворотом огоньки фар. Машина доктора ехала уже по чужой территории, в горы. «Икарус» с Арсюшей и Константиновым двинулся в другую сторону, к городу.

* * *

Вечером пошел сильный дождь. Гремел гром. В темноте над горами вспыхивала молния. Иван подумал, что доктор сегодня не приедет. В такой ливень нельзя ездить по горам. Но доктор приехал, Иван заметил, как он пробежал под дождем от своей машины к госпиталю.

Ночью дождь кончился и земля высохла. Иван увидел, как доктор сидит на лавочке у крыльца госпиталя и курит. Вокруг никого не было.

– Иди, Ваня, посиди со мной, – позвал доктор.

Иван сел на край лавки. Доктор дал ему сигарету. Таких сигарет Иван никогда не курил. Фильтр был белый, вкус у сигарет мягкий. В горле не першило.

– Я не знаю, как и когда ты попал сюда, – сказал доктор, – но догадываюсь. Ты здесь давно. Значит, ты не пленный. Тогда война еще не началась. Возможно, ты приехал отдохнуть на юг, к морю, лет семь-восемь назад, совсем молодым. А денег мало. Тебе предложили заработать, пообещали хорошо заплатить.

Перед Иваном встало лицо того бритоголового раненого, которого вылечил доктор. «Нет. Все было не так, – подумал он, – зачем мне это?»

– Возможно, тебя зовут не Иваном. Мне иногда кажется, что ты можешь вспомнить свое настоящее имя. И фамилия у тебя есть, и адрес.

«Зачем?» – думал Иван, глядя, как вспыхивает и гаснет огонек сигареты доктора.

Иван слушал русскую речь, и перед ним из черноты ночи вставало лицо бритоголового чеченца по имени Аслан. Это он поил двух дембелей, Вовку и Андрюху. Но Ивану от этого было ни горячо ни холодно. Он не чувствовал ненависти к бритоголовому, не хотел мести. Зачем?

Доктор уехал. Иван пошел в хлев спать. Было очень поздно.

Среди ночи он открыл глаза, уставился на ровные бледные полосы лунного света, пробивавшиеся сквозь бревенчатые стены хлева, и неожиданно произнес: «Андрюха жив».

Звук собственного голоса показался ему странным, но совсем не чужим. Он попытался вспомнить, сколько раз тепло сменялось холодом в этих горах, – и не мог. Пять? Десять? Он стал загибать пальцы и сбился со счета. Он не понял пока, зачем загибает пальцы и пробует считать. Только чувствовал, это нужно – считать, думать.

Сколько раз вливали ему в рот кисловатую водку, от которой мозги делались липкими и кислыми, как перебродившее тесто? Первый хозяин заставлял пить водку каждый вечер. Одних – с помощью побоев, другие пили сами. От нее становилось даже легче. А может, это вовсе и не водка была?

Второй хозяин поил его какой-то черной, горькой, вязкой гадостью. От нее все внутри обугливалось. Казалось, горькая гадость действует на мозги, как крепкая кислота. И третий хозяин поил тем же. Иван привык. Он даже сам стал просить – у четвертого хозяина. Он уже не говорил тогда, просто показывал знаками, мычал, складывал ковшиком ладонь, подносил ко рту, шумно втягивал воздух, потом хлопал себя по голове и закрывал глаза. Хозяин понимал, смеялся, но черной отравы не давал. Давали тем, кто мог убежать. Иван уже не мог. Для побега надо не только держаться на ногах, но и думать – хоть немного.

Зачем же он сейчас так старается думать? Убежать он больше не может. Но Андрюха жив. Он должен что-то сделать для Андрюхи. Это очень важно. Не воды принести, не полы помыть. Что-то совсем другое. Но что именно, он пока не понимал. И главное, не знал – зачем. Только чувствовал – это очень важно.

Так и пролежал он остаток ночи с открытыми глазами. Он глядел на четкие, холодные полосы лунного света, напрягал обугленный мозг, изо всех сил стараясь думать.

Глава шестая

«Переводы идут примерно сутки, – спокойно рассудила Маша, – значит, завтра к вечеру я деньги получу. В крайнем случае послезавтра утром. Четыреста – это как раз на самолет. Остаток возьму у хозяйки, пусть только попробует не отдать! Я же улетаю, а там заплачено еще за девять дней. Пусть вернет хотя бы за неделю. Да, я улетаю! И прощай, курортный город, с твоими липкими придурками! Жалко Саню. Аппендицит – это очень больно».

Телеграф находился рядом с переговорным пунктом, и Маша решила зайти посмотреть расписание выдачи денежных переводов. Окошко выдачи оказалось, конечно, закрыто. Понятно, ведь уже начало одиннадцатого. Маша прочитала, что оно работает с восьми до шести, перерыв на обед с часу до двух. Она огляделась, и ей показалось странным, что в такое позднее время на телеграфе полно народу. На скамейках сидели женщины со спящими детьми на руках, старики, старушки. На беженцев эти люди были не похожи.

«Интересно, чего они ждут? – подумала Маша. – Это ведь не вокзал и не аэропорт».

– Простите, пожалуйста, – обратилась она шепотом к молодой русоволосой женщине, державшей на коленях спящего мальчика лет трех, – вы не знаете, долго идут телеграфные переводы из Москвы?

Женщина посмотрела на нее с удивлением и жалостью:

– Миленькая моя, переводы идут месяцами.

– Нет, не почтовые, телеграфные, – уточнила Маша, решив, что женщина неправильно ее поняла, – телеграфные ведь приходят очень быстро.

– Они никогда не приходят, – покачала головой женщина, – вы думаете, чего мы все здесь ждем? Именно телеграфных переводов! Выплачивают только тогда, когда кто-то отправляет деньги отсюда. Других денег на почте нет. А кто станет отсюда отправлять? В основном сюда высылают.

«Нет! – твердо сказала себе Маша. – Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!»

– Вот мы, например, – продолжала шепотом женщина, – восьмые сутки не можем улететь домой. Муж выслал деньги на обратный билет десять дней назад.

– Но ведь можно потребовать! Здесь же есть какое-нибудь начальство!

– Бесполезно. Вы думаете, мы не требовали? Я даже сидячую забастовку в кабинете начальницы устраивала. У меня все деньги кончились, ребенка кормить нечем. Хозяева держат из жалости, подкармливают, чем могут. На сколько еще их жалости хватит, не знаю.

– А ваш муж не может просто приехать и забрать вас? – спросила Маша, укоряя себя: «Вот, не одной тебе так плохо! Ты хотя бы без ребенка! А еще ноешь!»

– Мой муж сейчас в Баренцевом море, на траулере плавает. И плавать будет до начала ноября. Он штурман. Мы из Мурманска. Он перевод отправил и уплыл со спокойной душой.

– Неужели не предупреждают отправителей, что здесь невозможно получить деньги?

– А кому это нужно? Конечно, нет!

Маша с ужасом подумала, что теперь ей придется жить на телеграфе.

– А назад эти деньги возвращаются? – спросила она.

– Отправителю выплачивают через два месяца, по квитанции.

Вскочив в закрывающиеся двери автобуса и стоя на задней площадке, Маша приняла решение: завтра она заберет у хозяйки оставшиеся деньги, объяснит ситуацию. Там как раз получится около двухсот тысяч. Хватит на билет в плацкартный вагон.

На следующий день рано утром она поймала хозяйку у калитки – та собралась на рынок. Возмущаясь, причитая и дуясь как индюк, хозяйка все-таки выдала Маше двести тысяч, пробормотав:

– Артистка-авантюристка! Ездят тут всякие!

Конечно, до вокзала Маша все-таки зашла на телеграф, тут же получила квиток, сообщающий, что на ее имя пришел перевод на сумму четыреста тысяч. И еще раз убедилась, что денег этих она здесь никогда не увидит.

На вокзале очередь к билетной кассе была небольшая, но двигалась медленно. Маша успела просмотреть табло расписания, узнала, что есть билеты до Москвы и на сегодняшний вечер, и на завтрашнее утро. От нечего делать она стала читать плакат-листовку, приклеенную у кассы. «Выведем теневую экономику на свет Божий!» – взывал некто Вячеслав Иванов, кандидат на пост губернатора. С листовки взирала на Машу круглая, курносая, совершенно бандитская физиономия.

«Ну ты даешь, бандюга! – весело подумала Маша. – Не листовка, а прямо-таки исповедь мафиози. Мол, люди добрые, голосуйте за меня. Я честно признаюсь вам – я бандит. Остальные – тоже бандиты, но вам, бедным, врут…»

Пару раз Машу толкнули, но она так увлеклась листовкой, что не обратила внимания.

Наконец подошла ее очередь.

– Слушаю вас, – сказала кассирша, когда Машина голова появилась в окошке.

– Пожалуйста, один билет до Москвы на сегодня. В плацкартном вагоне.

– Сто шестьдесят семь восемьсот, – сообщила кассирша.

Маша открыла маленькую сумочку, висевшую на плече, чтобы достать деньги. Но деньги исчезли. Дрожащими руками она обшарила сумку, вывалила ее содержимое на узкий прилавок перед кассой.

Она никогда не носила деньги в кошельке или в бумажнике. В сумке было специальное отделение, очень удобное, и Маша считала, что кошелек вытащить незаметно проще, чем отдельные бумажки. Обычно вытаскивают именно кошельки…

– Девушка, в чем дело?

– У меня, кажется, украли деньги, – прошептала Маша.

– Бывает, – сочувственно вздохнула кассирша, – что же ты по сторонам не глядишь? Это все-таки вокзал!

– Что мне делать? – Маша чувствовала, как в глазах набухают крупные, тяжелые слезы.

– Попробуйте обратиться в милицию, – неуверенно посоветовал кто-то из очереди.

В вокзальном отделении милиции висели сизые плотные слои табачного дыма.

– У меня только что украли все деньги, – обратилась Маша к сонному круглолицему дежурному.

– Пишите заявление, укажите свои паспортные данные, обстоятельства, при которых произошла кража, сумму прописью.

Маша присела у краешка стола и все написала. Дежурный молча взял заявление, убрал куда-то и, не глядя на Машу, углубился в чтение каких-то бумаг на столе.

– А есть хотя бы надежда, что вы найдете? – тихо спросила Маша.

Дежурный взглянул на нее с жалостью и даже не счел нужным ответить.

* * *

С утра все было как обычно. Только повар пришел к хозяину и говорил с ним про Ивана. Повар сказал, что соберется много людей и Иван должен убрать в большом доме.

В большом доме всегда было много уборки. Там висели на стенах и лежали на полу красивые ковры. Иван должен был скатать ковры, вынести на улицу, выбить пыль. А пол под коврами помыть.

Иван еще не закончил мыть пол, а в дом уже стали входить люди. Один нес какую-то штуку, похожую на огромный пистолет. Иван знал, что это не пистолет. Такой штукой снимают кино. Откуда-то издалека даже возникло слово: «Камера».

Иван мыл пол. Тот, кто нес камеру, стягивал с нее на ходу черный чехол и о чем-то разговаривал с другими. Он шел и не смотрел перед собой. Иван полоскал тряпку в ведре. Человек с камерой толкнул его, Иван упал лицом прямо в ведро, в воду, в которой полоскал тряпку. Ведро опрокинулось. Иван поднялся и принялся ловить ведро, которое покатилось по полу, расплескивая воду. Все смотрели на Ивана и смеялись. У него вода текла по бороде, попала в глаза. От грязи глаза защипало. Иван заморгал и вытер глаза рукавом.

Тот, с камерой, успел уже ее расчехлить и повернул на Ивана. Иван моргал в камеру, тер глаза и думал, что его снимают для кино. Потом смеяться перестали, камеру унесли. Иван домыл пол и ушел. Надо было скорее стелить и вешать назад ковры.

Иван стелил и вешал тяжелые ковры, потом повар велел принести чистой воды. Иван все старался понять, почему это так важно, что его сняли для кино.

Стемнело. В большом доме собрались люди. Иван заметил там двух русских. Они говорили по-русски. Повар велел ему сидеть у дома, со стороны кухни. Он сказал, будет еще работа, и к хозяину не отпускал. Иван сидел и думал об Андрюхе. Если Андрюха жив, его должны забрать отсюда. Должны приехать другие люди издалека и забрать Андрюху.

Рядом с кухней была маленькая комната. Повар позвал Ивана и велел там убрать. Иван вошел. Камера лежала на столе. Человека, который снимал кино, вырвало прямо на пол. Поэтому Ивана позвали убрать. Иван убирал и все поглядывал на плоскую коробочку, которая лежала рядом с камерой. Он думал, что кино спрятано в этой коробочке. Другие люди увидят кино про Ивана, приедут и заберут его отсюда. Доктор станет его лечить. Андрюха все вспомнит. Надо взять коробочку и отдать ее доктору. Только чтобы никто не видел.

Он домыл пол, подождал, пока повар разрешит уйти. Коробочка была небольшая. Удобно спрятать за пояс штанов, под фуфайку. Иван шел осторожно, боялся, что коробочка выпадет и разобьется.

Доктора в госпитале уже не было. Только фельдшер. Иван догнал доктора, когда тот шел к своей машине. Остановился, посмотрел по сторонам. Никого не было.

– Здравствуй, Ваня. Что же ты не зашел сегодня? Я оставил тебе еду в комнате, на столе. – Голос у доктора был хриплый, усталый, лицо бледное.

Иван еще раз огляделся по сторонам. Кругом все спокойно. Он достал коробочку из-за пояса и сунул доктору в руки.

– Андрюха жив! – сказал Иван шепотом.

* * *

Маша брела по людной улице и тупо повторяла про себя: «Что теперь делать?» Ей очень хотелось плакать, но в толпе, на глазах у всех было неудобно, стыдно.

«Истерика тебе не поможет. Надо спокойно все обдумать. Не бывает безвыходных ситуаций. Ты должна держать себя в руках. Ты ведь хочешь стать актрисой. Если не научишься владеть собой в обычной жизни, на сцене тебе делать нечего. Это дурацкий расхожий миф, будто актер, а особенно актриса – существо взбалмошное, истеричное и непредсказуемое. Ерунда. Если ты не можешь контролировать себя в разных житейских ситуациях, рано или поздно сорвешься на сцене».

Маша решила, что, пожалуй, впервые в ее жизни возникла по-настоящему сложная ситуация, из которой выпутываться надо самостоятельно. Никто за ручку не возьмет и домой не отвезет.

Усилием воли справившись с внутренней паникой, она сказала себе: «В конце концов, я не в Африке, не в Австралии. Я в России. Руки-ноги у меня целы, голова на месте. Проблема только в деньгах. Перевод я не получу. Милиция вора не найдет и мои двести тысяч не вернет.

Конечно, можно позвонить в Москву. Если пошарить по карманам, какая-то мелочь найдется, всего на один звонок, на разговор в три минуты. Кому в трехминутном разговоре можно объяснить, что произошло? Кого можно попросить приехать сюда за мной? На это понадобится не меньше миллиона. У кого есть такие деньги? Родители на даче. Большинства друзей сейчас в Москве нет, все где-нибудь отдыхают. Обратиться с такой просьбой к Саниной маме невозможно, она совершенно чужой человек и так сделала, что могла, деньги выслала. Если попросить ее связаться с родителями, сказать адрес дачи… Но тогда у них случится по инфаркту на брата».

В комнате, которую она сняла, можно прожить еще сутки. Потом хозяйка ее выставит. Из жалости, конечно, кормить и держать у себя не станет. «А если попытаться заработать здесь? Каким образом? Разве что на панель, – усмехнулась про себя Маша, – или фуэте крутить посреди улицы и деньги в кепку собирать!»

Она принялась ругать себя последними словами за то, что забыла в Москве записную книжку. Сейчас, полистав ее, наверняка нашла бы кому позвонить. Подруга из Севастополя что-нибудь придумала бы. Но наизусть Маша знала очень мало телефонных номеров. У нее была плохая память на цифры.

Перебирая в голове имена друзей и знакомых, она вдруг вспомнила преподавателя актерского мастерства, актера Малого театра Сергея Усольцева. Официальным руководителем их мастерской был народный артист России, кинозвезда семидесятых, при звуке его имени глаза зрелых дам заволакивались томной влагой. Но руководитель появлялся на занятиях редко, был занят политикой, и Сергей Усольцев вместо него учил их актерскому мастерству.

Ему было тридцать пять лет. На занятиях и после занятий он любил вспоминать разные истории из своей бурной юности. С особым удовольствием рассказывал, как путешествовал на товарняках по всему Черноморскому побережью. Один раз даже принес видеокассету, на которую перегнал снятый пятнадцать лет назад любительской кинокамерой фильм об этих путешествиях.

Студенты узнавали в мальчиках и девочках, друзьях Усольцева, известного телеведущего, молодого преуспевающего политика, популярную писательницу. Тогда им было по девятнадцать, двадцать лет, как сейчас Маше.

– Приходишь на товарную станцию, – рассказывал Усольцев, – спрашиваешь у башмачников или машинистов, куда и когда отправляется поезд. Если придется ехать ночью, то лучше залезать в теплушку. А днем по югу приятно передвигаться на открытой платформе. Два главных закона: не спрыгивать и не запрыгивать на ходу и никогда не пролезать под поездом. Он может двинуться в любой момент. Если с поезда снимает «вохра», показываешь студенческий, говоришь, мол, фольклорная экспедиция, отстали от основной группы, денег нет, вот и догоняем. Обычно сами же «вохровцы» и сажали в какую-нибудь хорошую теплушку, иногда даже кормили, чаем поили. Тогда не только в деньгах заключалась проблема. Главное – билеты. Летом поезда южного направления забиты до отказа, люди сутками стояли в очередях за билетами. Только вы не вздумайте сейчас так ездить! Время совсем другое, и страна другая.

Вспомнив любительский фильм о товарняцких путешествиях, Маша слегка приободрилась. «Конечно, время другое, все-таки пятнадцать лет прошло. И потом – я одна, а их пятеро. У меня нет никакого опыта, но и у них сначала тоже не было».

По рассказу Усольцева, до Орла можно доехать за сутки, если повезет. А от Орла до Тулы – рукой подать. Тула – это почти Москва, там можно и на электричке «зайцем».

«Жалко, у меня нет карты», – подумала Маша уже спокойно.

* * *

Доктор Ревенко опустил жалюзи на окнах, плотно задвинул шторы, проверил, заперта ли дверь. Торшер в гостиной давал очень сильный свет, и он поменял лампочку на самую слабую. Теперь в комнате был полумрак. Но света вполне хватало, чтобы подсоединить видеокамеру к телевизору.

На экране появилось изображение, пошел звук.

За накрытым столом сидел Ахмеджанов, за его спиной стоял телохранитель и старательно обгладывал куриную кость. Камера скользила по лицам. Человека, сидевшего напротив Ахмеджанова, доктор узнал сразу. Узнать его было не сложно, портреты красовались сейчас по всей области, на предвыборных плакатах и листовках.

– Чего тебе, мало, что ли, в тот раз дали? – спрашивал Ахмеджанов.

– Ну, Аслан, ты пойми, эта предвыборная кампания столько сжирает каждый день, – заискивающе заглядывая в глаза Ахмеджанову, отвечал Вячеслав Иванов, кандидат на губернаторский пост. – Тем плати, этим плати. Все хотят.

– Ладно, не ной, – махнул рукой Ахмеджанов и кивнул телохранителю. Тот отбросил куриную кость, на секунду исчез из кадра и появился, держа в руках небольшой плоский чемоданчик.

Отодвинув тарелку, Иванов положил перед собой на стол чемоданчик, открыл его.

– Пол-«лимона», можешь пересчитать, – усмехнулся Ахмеджанов.

– Да ладно тебе, Аслан, – смущенно потупился Иванов.

Оператор не поленился, упер на секунду камеру в содержимое чемоданчика. Там лежали аккуратные толстые пачки стодолларовых купюр. Иванов тут же закрыл и убрал чемоданчик.

Потом камера скользнула еще по одному русскому лицу. Но этого человека Вадим не знал.

«А вот теперь не придется ничего проверять! – подумал он, вытаскивая кассету и отсоединяя видеокамеру от телевизора. – Но времени совсем мало. До выборов всего неделя. И выберут, скорее всего, этого Иванова. Кассету надо передать очень быстро. Но ошибиться нельзя. Как же Иван додумался до этого? Нет, не Иван. Андрюха. Его зовут Андрей. Он убирал в доме, где происходила встреча. Как же он догадался взять кассету и отдать мне? Возможно, просто увидел интересную коробочку на столе и решил подарить в благодарность за еду? Даже если никто не видел, как он отдавал мне кассету, они наверняка начнут меня подозревать и проверять. Они могут и не знать, что кассету взял именно Андрей. В любом случае сейчас надо ее очень хорошо спрятать».

Подумав еще секунду, Вадим отправился в ванную комнату с кассетой в руке.

* * *

Они пришли поздно ночью. Иван спал крепко. В хлеву было темно. Они стали светить ему в лицо резким светом, подняли его на ноги и вытолкали из хлева на улицу. Выталкивал один, а двое остались в хлеву. Иван оглянулся и увидел, как они роются в соломе.

Потом они вышли, держа в руках его красивые мешки. Они стали трясти мешками перед лицом Ивана. Бумажки посыпались. В лунном свете Иван видел, как блестят самые красивые, от шоколадок. Он принялся их собирать. Он хотел поскорее собрать и спрятать за пазуху хотя бы эти, блестящие, самые красивые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.